

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

**ПУСТЬ ТЫ
УМРЕШЬ**

НЕ БУДЕШЬ МОЕЙ — НЕ БУДЕШЬ НИЧЬЕЙ

ПРОДАНО **14 000 000** ЭКЗЕМПЛЯРОВ

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Детектив Рой Грейс

Питер Джеймс

Пусть ты умрешь

«Центрполиграф»

2014

Джеймс П.

Пусть ты умрешь / П. Джеймс — «Центрполиграф»,
2014 — (Детектив Рой Грейс)

За два года близких отношений Рэд Уэствуд так и не узнала всей правды о своем любовнике – богатом, красивом и... опасном. Все, что Брайс Лорен рассказывал о себе, оказалось ложью, а его страстная привязанность со временем превратилась в террор. Прислушавшись наконец к советам близких, Рэд разорвала эту мучительную связь и с головой окунулась в новые отношения, на этот раз с «хорошим парнем», не подозревая, что кошмар только начинается... Чтобы погасить пламя своей страсти, Брайс намерен уничтожить все, что связывает его с Рэд. Очищающий огонь поглотит всех, кого она когда-либо знала и любила. Суперинтендент Рой Грейс остановит поджигателя-психопата, прежде чем станет слишком поздно...

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	10
5	12
6	14
7	15
8	18
9	20
10	22
11	25
12	26
13	30
14	32
15	34
16	36
17	39
18	43
19	44
20	48
21	50
22	51
23	53
24	55
25	61
26	64
27	66
28	67
29	68
30	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Питер Джеймс
Пусть ты умрешь
Моему чудесному агенту и другу Кэрол Блейк

Copyright © Really Scary Books / Peter James 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

1

Среда, 23 октября

Карл Мерфи был достойным, добросердечным человеком, семейным доктором и отцом двух детишек, растить которых ему пришлось в одиночку. Он много работал, делая все возможное для своих пациентов, список которых становился все длиннее и длиннее. Последние два года – после смерти любимой жены Ингрид – были нелегкими, да и некоторые аспекты самой работы давались тяжело, особенно когда приходилось извещать пациента о неизлечимой болезни. Но доктору и в голову не приходило, что он может нажать врагов и, уж конечно, что есть кто-то, ненавидящий его настолько, чтобы желать ему смерти.

Кто-то, планирующий убить его сегодня вечером.

Конечно, как ни старайся, каждому не угодишь, да и у него тоже всякое случалось. Большинство пациентов были людьми приятными и вели себя достойно, но попадались и такие, с кем нужны стальные нервы. И все равно он старался обращаться со всеми одинаково.

Доктор уже принял душ, переоделся после гольфа и теперь, задержавшись в этот октябрьский вечер у стойки клубного бара, потягивал в компании партнеров по турниру вторую пинту лимонада с лаймом, поглядывая незаметно на часы и ловя себя на том, что впервые за долгое, очень долгое время чувствует себя счастливым. В его жизни появилась новая женщина. Встречались они недолго, но доктор уже успел проникнуться к ней самыми теплыми чувствами. Он даже допускал мысль, что влюбился, но, будучи человеком закрытым, ничего не говорил об этом своим знакомым.

В начале седьмого – время поджигало – Карл Мерфи допил свой лимонад, совершенно не догадываясь, что на улице, в непогожей темноте, его уже поджидают.

Сестра Стефани забрала детей из школы и пообещала побыть с ними дома, пока он не привезет няню. Но задержаться она могла не позднее чем до без четверти семь – потом они с мужем собирались на деловой обед, и Карл не мог допустить, чтобы она опоздала из-за него. Он поблагодарил хозяина за любезность, выслушал ответные поздравления за хорошую игру и торопливо покинул заседание у девятнадцатой лунки¹, грозившее затянуться до позднего вечера. У него была другая программа, куда более интересная, чем заурядная попойка в компании, пусть даже и приятной, старых знакомых. Он спешил к женщине, соблазнительной и страстной, и от одной лишь мысли увидеть ее снова – после последней встречи прошло три дня – его, как когда-то в юности, бросало в жар.

Отворачиваясь от ветра и дождя, доктор прошел к парковочной площадке, в самый конец, где оставил машину, открыл багажник и загрузил сумку с клюшками и прочими принадлежностями. Потом сунул в боковой кармашек завоеванный приз, маленький серебряный кубок, и застегнул молнию. Не замечая ничего вокруг, он думал только о свидании. Господи, как же изменилось все с ее появлением! Она стала лучом света в его хмурой жизни. Последние два года, после смерти Ингрид, были настоящим адом, и вот теперь, наконец, ему открылся выход из затянувшихся, казавшихся бесконечными сумерек.

Предаваясь приятным мыслям, Карл Мерфи не заметил неподвижной, во всем черном фигуры, притаившейся под тартановым ковриком на заднем сиденье. Ему даже не показалось странным, что свет внутри не включился, когда он открыл правую дверцу. Со старенькой «ауди» в последнее время постоянно что-то случалось, что-то отказывало или, как бензиноммер, работало по настроению. Он уже заказал новую А6 и ожидал поступления в ближайшие недели.

¹ Девятнадцатая лунка – шутовое название бара при гольф-клубе. (Здесь и далее примеч. пер.)

Сев за руль, доктор накинул ремень, повернул ключ зажигания и включил фары. Потом перенастроил приемник с «Классик FM» на «Радио-4» – послушать вторую часть вечерних новостей, – выехал со стоянки и покатил по узкой дороге около фэйрвея гольф-клуба «Хейуордс-Хит». Впереди показались огни идущей навстречу машины, и он подал к обочине, а когда уже собрался прибавить газу, услышал за спиной какое-то движение. В следующее мгновение что-то мокрое и едкое залепило его нос и рот.

Хлороформ, успел подумать Карл Мерфи, узнав характерный запах. Он еще попытался сопротивляться, но сознание уже путалось, ноги съехали с педалей, а руки соскользнули с руля.

2

Среда, вечер, 23 октября

Он поднес к глазам бинокль и, вглядываясь в темноту, навел на женщину, которую так сильно любил. Ночной прицел для арбалета, которым он пользовался для наблюдения, когда она выключала свет, лежал рядом, на столике.

Она пила какое-то белое вино – уже четвертый за вечер бокал – и снова набирала номер на телефоне. Вот, резко мотнув головой, отбросила прядь огненно-рыжих волос, упавших на милое личико. Знакомый жест. Она всегда делала так, когда нервничала или была на взводе.

Он не ответит, любовь моя. Не ответит.

3

Среда, вечер, 23 октября

Мужчины, боже мой! Что не так? В чем причина? В ней? Или в них?

Каждый делает в жизни глупости, думала Рэд. Большие глупости. Ты делаешь их, считая, что поступаешь правильно, и только потом начинаешь понимать, что ошибся. Ей, чтобы понять, понадобилось два года. Два года она никого не слушала, не принимала ничьих советов – ни семьи, ни друзей, ни даже полиции. И только через два года осознала, насколько опасен Брайс Лорен, мужчина, с которым она познакомилась и в которого влюбилась через объявление на страничке для одиноких сердец.

Если бы только можно было отмотать время назад, вернуться в прошлое с тем знанием и опытом, что были у нее теперь.

Пожалуйста, Господи.

Она ни за что не обратилась бы в то онлайн-бюро знакомств и не поместила бы там свое глупое объявление.

Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и – кто знает – может быть, чего-то большего?

Большинство ответов – полный отстой. Но, с другой стороны, подружки предупреждали, что едва ли не все откликающиеся на такое объявление мужчины – женатики, которым и не надо ничего другого, как только перепихнуться по-быстрому.

Она отвечала подружкам, что по-быстрому неинтересно, но вот долгий и жаркий секс ее бы вполне устроил! Именно этого ей и недоставало те несколько лет, что были впустую потрачены на кретина Доминика, имевшего обыкновение проверять свою электронную почту уже через тридцать секунд после полуминутного секса.

К тому же Рэд считала себя достаточно умной, чтобы отличить проходимца от приличного парня.

Оказалось, что нет.

Она ошиблась, и, как выяснилось теперь, даже еще сильнее, чем представлялось тогда.

Прикладываясь в очередной раз к бокалу «совиньон блан» и считая в очередной раз доносящиеся из трубки гудки, Рэд и не думала, что за ней следят. Три. Четыре. Пять. Шесть. На часах – половина девятого. Карл опаздывал на свидание уже на полтора часа. И где его только черти носят?

На этот раз она дала отбой, не оставив сообщения, злая и оскорбленная до глубины души.

4

Среда, вечер, 23 октября

Вэн – супер! О да! Да! Из большой черной колонки «джобоун» рвалась Queen of the Slipstream Вэна Моррисона. Прекрасные слова, передававшие все то, что он чувствовал когда-то к Рэд, заполняли крохотную квартирку.

Живший этажом выше ворчливый старикан стукнул палкой по полу, как делал всегда, когда музыку внизу включали ближе к ночи. Ну и пусть себе.

Да, она была его «Королевой ветра». Его королевой.

Червонной дамой. Дамой сердца.

Рэд.

Красный цвет – цвет червонной дамы.

И она его отвергла.

Унизила.

Больно? О да, больно. Еще как. Эта боль не затихала ни днем, ни ночью. Ни на секунду.

Повезло, что удалось снять эту вот квартиру. Вид – то, что надо. Некоторые вещи предопределены судьбой. Например, они, он и Рэд, должны быть вместе. Он опустил бинокль и замотал головой, чувствуя в себе бурлящую ярость. Да, так случилось, что в их отношения вошло кое-что не очень хорошее, пусть даже плохое, но теперь это все в далеком прошлом.

Он навел бинокль на ее пикантные губки. Она в очередной раз подняла бокал. Эти губы... Он целовал их так страстно, так нежно. Он рисовал их на бесчисленных эскизах, один из которых – с недовольной гримаской и подписью *Я – режимная девчонка!* – висел в рамочке на стене.

Эти губы целовали его всего, с головы до пят. Думать о том, что они целуют другого мужчину, было невыносимо. Они – его. Они принадлежали ему. Он не мог представить, что кто-то другой касается ее нежной кожи, обнимает ее, нагую, входит в нее. Этот образ не давал ему покоя снова и снова, без конца, отзываясь внутри леденящим холодом. Он не мог представить, что она в миг оргазма смотрит в глаза другому, – его трясло в бессильной ярости.

Нет, теперь уже не в бессильной. Теперь у него был план.

Не будешь моей – не будешь ничьей.

Он задернул шторы и включил свет. Потом еще понаблюдав за ней немного на одном из висящих на стене мониторов. Она набирала номер на телефоне. Подключиться к телефону оказалось совсем нетрудно, достаточно было купить по Интернету шпионскую программу, «спай-бабл», и тайком установить на мобильный Рэд. Программа позволяла слушать все разговоры, независимо от местонахождения, получать автоматически все входящие и исходящие текстовые сообщения, видеть номера, по которым звонила она и с которых звонили ей, открывать все веб-сайты, которые она посещала, просматривать ее фотографии и, что важно, определять через джи-пи-эс ее точное местоположение.

Он обвел взглядом развешанные на стенах фотографии. Вот он сам – в розовом «леандровском» пиджаке и соломенном канотье на регате в Хенли, ни дать ни взять молодой Джордж Клуни, – и рядом Рэд – в легком, свободном платье. Вот другая, и на ней тоже он – в кожаном летном шлеме, в кокпите биплана «Тайгер мот». Там снова он – прилежный ученик в Центре управления воздушным движением аэропорта Гатуик. И там он – в квадратной академической шапочке и мантии на выпускной церемонии в парижской Сорбонне. И там – в таком же академическом наряде получает докторский диплом Сиднейской летной школы. А вон и его любимая – в форме пожарного. Рядом та, на которой он пожимает руку принцу Чарльзу, чуть дальше – Полу Маккартни. Внушительная экспозиция, да? Даже для королевы.

А она его отвергла.

Это родители вливали ей в уши яд. Это подруги загружали ее ложью. Как она могла, как посмела слушать их и верить им? Все разрушила, все сломала собственной глупостью.

Он добавил звук, смывая волной музыки вскипающие в голове мысли и не обращая внимания на настойчивый стук сверху мистера Брюзги.

Потом снова взял бинокль, выключил свет, подошел к окну и чуточку развел шторы. Видеть ее вот так, вживую, было куда приятнее, чем на мониторах, получавших и картинку, и звук из каждой комнаты ее квартиры. Так он лучше чувствовал ее боль.

Он посмотрел на окно третьего этажа дома напротив. В гостиной горел свет, и видимость была отличная. Она стояла, держа возле уха телефон, и выглядела очень обеспокоенной.

Да уж, есть отчего беспокоиться.

5

Среда, вечер, 23 октября

– Пожалуйста, не поступай так со мной, – сказала Рэд, когда мобильный снова переключился на голосовую почту после шестого звонка.

Привет, это Карл. Я не могу ответить сейчас, поэтому оставьте сообщение, и я перезвоню вам позже.

Она оставила три сообщения, но он так и не перезвонил. Первое ушло в 7.30 вечера, через полчаса после того, как Карл не заехал за ней в назначенное время. Они планировали пообедать в Чайна-Гарден. Второе сообщение отправилось в 20.00, а третье – она постаралась убрать сердитые нотки, что далось нелегко, – сразу после 21.00. Сейчас часы показывали половину одиннадцатого. Она даже проверила свои странички в Твиттере и Фейсбуке, хотя Карл никогда еще не пользовался ими для связи с ней.

Отлично! Какая подстава! Ну разве не замечательно?

Разрыв с Брайсом обернулся кошмаром, память о котором жила до сих пор. В первые недели после того, как его удалось выставить, с помощью полиции, она частенько замечала знакомый «астон-мартин» у своей старой квартиры. Самого Брайса видно не было, но и одного лишь присутствия машины хватало, чтобы по спине бежал холодок. Он перестал делать это только после того, как она, рассердившись по-настоящему, спустила ему все четыре колеса. Но и это был еще не конец. Иногда, во время одиночных тренировочных пробежек – она готовилась к участию в Брайтонском благотворительном марафоне, – Брайс попадался ей на глаза. Он следил издали – с тротуара или из машины. Такая слежка действовала на нервы, особенно когда она бежала по Даунсу вечером, в наступающих сумерках.

По совету людей из «Проекта «Убежище», она переехала из квартиры вот в это временное жилье, снятое ими на вымышленное имя.

Квартира располагалась на третьем этаже и была выбрана из-за своего расположения – ее окна не просматривались с главной улицы – и наличия укрепленной входной двери. Мрачный, изрядно обветшавший викторианский особняк, переоборудованный когда-то в частную резиденцию, находился неподалеку от набережной Хоува. Из окон открывался вид на пожарную лестницу безобразного, 1950-х годов постройки, многоквартирного дома и переулок, который вел к автомобильной стоянке и гаражам за ее кварталом.

Предполагалось, что здесь она будет чувствовать себя в безопасности, но новое жилище действовало угнетающе. Узкий, слабо освещенный коридорчик вел в небольшую, открытой планировки зону, совмещавшую гостиную со столовой и старомодной кухонькой размером чуть больше камбуза и поделенной барной стойкой для завтрака. Еще здесь было две спальни: поменьше – ее она превратила в свою уютную норку – и побольше, с видом на гаражи и стоянку для велосипедов.

Она покрасила стены белой краской, что немного освежило квартиру, и повесила несколько картин и семейных фотографий, но все равно не чувствовала себя здесь дома и знала, что никогда не почувствует. Правда, теперь у нее появилась надежда – перебраться в скором времени в новую квартиру, квартиру-мечту. Она уже занялась продажей старой и рассчитывала на финансовую помощь родителей. Новая, просторная и светлая, находилась на верхнем этаже Ройял-Риджент – перестроенного дома времен Регентства на Марина-Пэрейд, в Кемптауне. С огромного солнечного балкона открывался восхитительный вид на пролив – марина к востоку и Брайтонский пирс к западу. Консультант по семейным отношениям посоветовала не ездить на ее любимом кабриолете «фольксваген-битл» 1973 года, поскольку он

слишком заметный, так что теперь машина стояла в арендованном для этой цели гараже и выезжала лишь изредка для зарядки аккумуляторов и ремонта.

Она вылила в бокал последнее, что оставалось в бутылке «совиньон блан», которую открыла, когда окончательно поняла, что никуда с Карлом сегодня уже не пойдет. *Мужчины. Черт бы их побрал, мерзавцев.*

Но это так на него не похоже.

После кошмаров последних лет, после всего, через что ей пришлось пройти, Карл стал глотком свежего воздуха. Познакомила ее с ним лучшая подруга, Рэкел Ивенс, дантист. Карл работал в том же медицинском центре и относительно недавно овдовел. Жена умерла два года назад от рака груди, оставив его с двумя детьми. По словам Рэкел, теперь он готов был двигаться дальше и начать новые отношения. Еще она сказала, что, по ее ощущениям, у них может получиться.

И оказалась права.

Они пообедали вместе несколько раз, а потом, в прошлую субботу, когда его сыновья остались ночевать у родителей покойной жены, провели вместе целую ночь и едва ли не все воскресенье. В какой-то момент Карл широко улыбнулся и сказал, что, должно быть, здорово запал на нее, если даже принес в жертву свой традиционный утренний гольф.

Ей бы не хотелось, едва начав, стать вдовой гольфиста, ответила Рэд с такой же широкой – но многозначительной – улыбкой. Воскресное утро они провели в постели, потом сходили в «Шеллфиш энд ойстер бар» под Кингс-роуд-аркс, где позавтракали морепродуктами, устрицами и копченым лососем, и с удовольствием прогулялись по эспланаде. Ближе к вечеру Карл отправился за детьми, и они договорились встретиться вечером в среду. Он даже запланировал взять на этот день выходной, чтобы сыграть на турнире по гольфу, а потом заехать за ней в семь вечера.

Так где же он? Может, с ним что-то случилось? Может, попал в больницу? Карл не сказал, на каком именно поле будет играть в гольф, и теперь она не знала, куда звонить. Рэд вдруг подумала, что вообще-то знает о своем новом знакомом совсем мало, хотя и навела о нем справки. И возможно, Карл мало кому о ней рассказал.

Позвонить в полицию? Спросить, не зарегистрировано ли в городе несчастных случаев? Нет, не стоит. За последние годы они приняли от нее слишком много звонков; каждый раз, после очередной ссоры, когда Брайс пускал в ход кулаки, Рэд набирала 999. Больницы? *Извините, я бы хотела узнать, к вам, случайно, не поступал доктор Карл Мерфи?*

Опыт прежнего общения с мужчинами подсказывал, что она, возможно, слишком снисходительна. Скорее всего, он просто напился в этом своем гольф-клубе, в девятнадцатой лунке, и напроць о ней забыл.

Мужчины, чтоб их...

Она осушила бокал.

Пятый, отметил тот, кто наблюдал за ней.

6

Среда, вечер, 23 октября

Давно стемнело, но он все видел, не опуская бинокля. Она до сих пор носила дешевые наручные часики, выглядевшие так, словно достались из рождественской «хлопушки». Какой же крохобор этот ее новый любовничек, Карл, не мог, что ли, купить что-нибудь поприличнее? Подаренные им «Карты танк» она вернула вместе с остальными украшениями, когда выставила на улицу его чемоданы и сменила замки на дверях.

Вернула все, кроме тонкого серебряного браслета на правом запястье.

Он задернул плотно шторы, включил снова свет, сел за круглый столик и взял колоду карт. Развернул веером, сложил, снова развернул. Практика. Практиковаться приходилось по несколько часов каждый день, отрабатывая репертуар трюков. На завтра у него было запланировано важное представление с демонстрацией фокусов для узкого круга на обеде брайтонских риелторов.

Может, и Рэд там будет. Ее ждал бы милый сюрприз.

Есть дама и нет дамы!

Та, что была моей королевой, ею и останется.

Все еще носишь мой браслет!

Он знал, что это значит. Все по Фрейдю. Она должна цепляться за что-то, что получила от него. Потому что, пусть даже и не хочет этого признавать, до сих пор его любит.

Держу пари, ты хочешь, чтобы я вернулся, ведь так? Еще немного – и умолять будешь, ведь будешь, да? Ты же находишь меня неотразимым, но просто не понимаешь этого. Все женщины считают меня неотразимым! Ты только не тяни слишком долго – я ведь вечно ждать не стану.

Шутка!

Я не приму тебя, даже если приползешь и будешь умолять. Ты и твоя мерзкая семейка. Ты и твои гнусные подружки. Ненавижу весь твой паршивый мирок. Я мог бы спасти тебя от всего этого.

И ты делаешь большую ошибку, не признавая очевидного.

Он посмотрел на часы – 23.10. Пора развлечься. Он вернул мобильный на столик в гостиной и положил в карман ключи от взятой напрокат «воксхолл-астра». Сейчас машина стояла в гараже через пару улиц отсюда, с фальшивыми номерами, скопированными с похожего автомобиля на долговременной стоянке аэропорта Гатуик. Потом надел черную куртку с капюшоном, проверил карманы – не забыл ли чего, – натянул черные кожаные перчатки, надвинул поглубже черную бейсболку и выскользнул в ночь.

7

Среда, вечер, 23 октября

Карл ворочался на коврик в темном багажнике собственной машины. Его трясло от страха и злости. Голова раскалывалась от боли. Не паниковать, говорил он себе, старательно дыша через нос и изо всех сил пытаясь успокоиться, направить мысли в нужное русло и найти выход из ситуации.

Где он? Как долго здесь находится? И почему, почему, черт возьми, это случилось с ним? Приняли за другого? Или неизвестный забрал ключи и сейчас грабит дом? А может, что еще хуже, его цель – дети, Дейн и Бен?

Господи, Рэд, должно быть, сходит с ума от беспокойства. Она дома, ждет, когда он заедет за ней. Если бы как-то позвонить... Но телефон в кармане брюк, а руки связаны, и до него не добраться.

Время от времени доктор слышал шум проезжающей машины. Следовательно, где-то поблизости проходит загородная дорога. Но машины проходили все реже и реже, а это означало, что время позднее. Человек, связавший его, знал толк в узлах – доктор не мог пошевелить ни руками, ни ногами, не мог избавиться от кляпа. Да еще эти болезненные спазмы. Поступает ли в багажник воздух? Это пугало его больше всего. Он вдруг понял, что чем быстрее дышит, тем больше потребляет кислорода. Нужно успокоиться. Рано или поздно кто-нибудь найдет его и спасет. Главное, чтобы воздуха хватило.

Во рту пересохло. Он уже давно отказался от попыток звать на помощь – крик уходил в кляп, который держала на месте какая-то лента, обмотанная, похоже, вокруг головы.

Ну должно же здесь быть что-то острое! Что-то такое, чем можно перетереть веревку. Он придвинулся к сумке с клюшками, услышал, как они глухо стукнули одна о другую, и подsunул руки к острому краю одной из них. Но при первой же попытке клюшка просто повернулась.

Помогите, пожалуйста, кто-нибудь.

Он снова услышал рокот приближающейся машины, шуршание шин по мокрой дороге... Надежда всплеснулась и опала – звук уже уходил вдаль.

Пожалуйста, кто-нибудь, остановитесь!

И еще одна... Те же знакомые звуки... скрип тормозов. *Да! Да! Господи, спасибо!*

Еще несколько секунд... Кто-то поднял крышку, и на него дохнуло холодом. В глаза ударил слепящий свет. Но радость была недолгой.

– Приятно видеть вас, мой друг, – мягким, вежливым голосом произнес стоящий за светом человек. – Извините, что заставил ждать – был немножко занят. Но вы ведь тоже не скушали, а?

Что-то металлическое царапнуло землю... плеснулась жидкость... В воздухе вдруг запахло бензином, и мысли закружились в водовороте ужаса.

– Вы ведь врач, да? – спросил незнакомец тем же вежливым тоном.

Карл замычал в ответ.

– У вас есть при себе какие-нибудь болеутоляющие?

Он покачал головой.

– Уверены? Никаких? Вы же врач, у вас наверняка должно что-то быть?

Карл промолчал, его трясло. Что, черт возьми, это все значит?

– Видите ли, обезболивающие понадобятся вам, а не мне. Если что-то есть, вам стоит принять. Учитывая, что будет дальше. И пожалуйста, поймите, дело вовсе не в вас. Вы ни в чем не виноваты. Я не какой-то садист – не хочу видеть, как вы мучаетесь. Поэтому и спрашиваю про обезболивающее.

Карла подняли, неловко вытащили из багажника, отволокли в сторону и бросили на мокрую траву. Хлопнула крышка.

– Мне нужно, чтобы вы написали записку, – сказал незнакомец. – Вы не против?

Карл промолчал и только шурился от бьющего в глаза света.

– Вы напишете прощальную записку. Я освобожу вам правую руку. Вы ведь правша?

Доктор только моргнул. Он чувствовал, что его вот-вот вырвет. Резкая боль обожгла лицо – незнакомец сорвал ленту. Вытащил изо рта кляп.

– Так лучше?

– Кто вы такой? Здесь какая-то ошибка, вам наверняка нужен другой. Я – доктор Карл Мерфи, – попытался объяснить он.

– Я знаю, кто вы. Если пообещаете не делать глупостей, освобожу руку. Левую или правую?

– Правую.

– Ну вот, давно бы так.

В свете фонарика блеснуло стальное лезвие, и в следующий момент доктор почувствовал, что правая рука свободна. Незнакомец сунул ему ручку и поднес вырванную из блокнота страничку. Такой блокнот лежал в медицинской сумке вместе с папкой-планшетом. В этот момент доктор успел увидеть незнакомца – весь в черном, бейсболка надвинута на глаза.

Его снова протащили по мокрой траве и прислонили к чему-то твердому и крепкому. К дереву. Перед ним снова появился планшет с чистой страницей.

– Пишите, Карл. Прощальную записку.

– Прощальную? Кому?

– *Кому?* Ну же, доктор! Чему вас учили в школе? *Кому!*

– Никакую записку я писать не стану! – с вызовом ответил доктор.

Незнакомец отошел. Карл напрягся, отчаянно пытаясь высвободиться и помогая себе свободной правой рукой. Но незнакомец быстро вернулся, неся что-то большое и темное. Снова плеснулась жидкость, и уже в следующее мгновение эта жидкость вылилась на него и потекла по плечам, спине, груди. В нос опять ударил характерный запах бензина. Доктор задергался. Бензин лился на голову, на лицо, щипал глаза. В свете фонарика появилась рука в перчатке с дешевой пластмассовой зажигалкой.

– Будьте паинькой, или хотите, чтобы я воспользовался этой штукой?

Его захлестнула волна ужаса.

– Послушайте... пожалуйста... Я не знаю, кто вы и чего хотите. Но мы ведь можем все обсудить? Только скажите, что вам нужно.

– Мне нужно, чтобы вы написали прощальную записку. Напишите – и я уйду. Не напишете – щелкну этой штукой, и посмотрим, что будет дальше.

– Не надо! Пожалуйста, не надо! Послушайте, это какая-то ужасная ошибка. Меня зовут Карл Мерфи, я врач общей практики, работаю в Брайтоне. Моя жена умерла от рака. У меня двое маленьких детей, они полностью зависят от меня. Пожалуйста, не делайте этого.

– Я прекрасно знаю, кто вы. И ничего не сделаю, если вы напишете записку. Даю вам ровно десять секунд. Пишите, и покончим с этим – вы никогда больше меня не увидите. Начиная обратный отсчет. Десять... девять... восемь... семь...

– Хорошо! – крикнул Карл Мерфи. – Хорошо, я напишу! Незнакомец улыбнулся.

– Я знал, что вы согласитесь. Вы же умный человек.

Он поправил планшет и шагнул ближе. На дороге появилась машина. Карл замер – а вдруг остановится? В свете пробивших заросли кустарника фар мелькнуло приятное лицо незнакомца. Но уже в следующее мгновение доктор понял, что машина прошла мимо, – звук таял в темноте.

Карл Мерфи собрался с духом и начал писать.

Едва он закончил, как незнакомец убрал планшет и ушел. Луч фонарика запрыгал, вытанцовывая, между деревьями. Оставшись один, доктор снова попытался освободиться. Ему даже удалось подцепить уголок ленты, но тот оторвался. Он снова впился в нее ногтями, но огонек уже приближался.

Незнакомец поднял его, ловко, как профессиональный пожарный, вскинул на плечо и понес куда-то, осторожно ступая в темноте.

– Отпустите меня! – сказал доктор. – Я же сделал, как вы хотели.

Незнакомец не ответил.

– Послушайте, пожалуйста. Мне нужно позвонить одному человеку, она ужасно беспокоится.

Молчание.

Время растянулось в вечность, и доктору казалось, что этому не будет конца. Иногда незнакомец включал фонарик, и луч убегал к темнеющим впереди кустам.

– Пожалуйста, кем бы вы ни были... я написал записку. Сделал все, как вы сказали.

Молчание.

– Черт, вас нести – все равно что бревно тащить, – пробормотал наконец незнакомец.

– Пожалуйста, отпустите меня.

– Всему свое время.

Немного погодя Карла вдруг бросили на какие-то мокрые и колючие кусты.

– Arrivé!²

Незнакомец начал снимать ленту, и доктор воспрянул духом.

– Спасибо, – прохрипел он.

– Не за что.

Почувствовав, что ноги свободны, Карл Мерфи облегченно выдохнул. Незнакомец стащил с себя комбинезон и швырнул на землю, а секундой позже доктор почувствовал, как его с силой толкают в бок... еще... и еще... Не успел он опомниться, как уже катился по крутому склону. Секунда... другая... и он плюхнулся спиной в грязь.

И тут же сверху обрушился водопад. Снова бензин, понял он с ужасом и попытался сесть, подняться, но сверху все лилось и лилось. А потом в темноте над ним мигнул крохотный огонек зажигалки.

– Пожалуйста! – крикнул Карл визгливым от страха голосом. – Пожалуйста, не надо! Вы ведь обещали!

– Я солгал.

Он увидел вспыхнувший лист бумаги. На мгновение лист повис в воздухе, как китайский фонарик, а потом, колыхаясь из стороны в сторону и разгораясь, поплыл вниз.

Брайс Лорен отступил на пару шагов. Секундой позже в темноте взметнулся огненный шар. Зрелище сопровождал жуткий вой, сменившийся криком о помощи, за которым последовали стоны и хрипы.

А потом наступила тишина.

Как быстро все кончилось.

Брайс даже расстроился немного. Почувствовал себя обманутым. Пусть бы Карл Мерфи помучился подольше.

Но ничего не поделаешь – в жизни всякое случается.

Он наклонился, поднял пропахший бензином комбинезон, повернулся и зашагал к машине.

² Прибыли! (фр.)

8

Четверг, утро, 24 октября

Прошло больше трех месяцев, но, подав «порш» на парковочный прямоугольник, помеченный специальной табличкой с надписью «Для капитана», Энтони Масколо испытал прилив гордости.

Находящийся в нескольких милях к северу от Брайтона, гольф-клуб «Хейуордс-Хит» имел в своем распоряжении одно из самых престижных полей; Масколо всегда мечтал стать капитаном и, реализовав одну из главных своих амбиций, не без оснований полагал, что сумел достичь кое-чего в этой жизни. Кроме того, уйдя в отставку с поста руководителя парикмахерской империи, он мог посвятить все свое время исполнению накладываемых этой ролью нелегких обязанностей. Как же приятно выйти на поле в такое вот, как сегодня, или любое другое утро, не виня себя за то, что уваливаешь от работы!

Вдыхая милый сердцу запах свежестриженной травы, Масколо достал из багажника сумку с клюшками и вынул тележку. На часах было начало восьмого, стояло чудесное осеннее утро, поляна сверкала росой, и солнце лишь начало подниматься по голубому, со стальным отливом, небу. В воздухе чувствовался холодок, и душа предвкушала праздник. Если сегодня удастся сыграть так, как он играл последние две недели, у него появится реальный шанс впервые за все время понизить гандикап до однозначного числа.

Чертовски приятно!

Двадцатью минутами позже, подкрепившись булочкой с беконом и кофе, он уже стоял с тремя друзьями у белого колышка первой лунки и отрабатывал свинг драйвером. Так! Так! Так! Летом Масколо брал уроки у клубного тренера, что помогло значительно усовершенствовать стиль и, самое главное, избавиться от привычки закручивать мяч влево. В это утро он чувствовал себя в высшей степени уверенно.

– Два на два, по десятке с каждого? – предложил его напарник Боб Сэнсом.

Остальные кивнули. Энтони Масколо сделал первый удар и, подняв голову, проводил взглядом улетевший по ровнейшей траектории «тайтлист» номер четыре. Мяч прокатился по мокрой, коротко подстриженной траве и остановился в центре поля, пролетев добрых двести восемьдесят ярдов.

– Хороший удар, Энтони! – с искренней теплотой прокомментировали все трое его приятелей. Вот за это он и любил гольф: можно соперничать, но сохранять при этом дружелюбие.

После второго удар мяч улетел к краю грина, что позволяло закрыть первую лунку двумя легкими патами – весьма удовлетворительный пар.

Наклонившись за мячом, Энтони Масколо уловил слабый запах жареного мяса. Возможно, аромат доносился от одного из домов, окружавших поле по всему периметру, хотя, с другой стороны, если подумать, утро – не самое подходящее время для барбекю. Он похлопал себя по животу под джемпером – после отставки появился лишний вес – и сосредоточился на предстоящей задаче.

Они заканчивали вторую лунку – ее снова выиграл капитан, – когда запах жареного мяса заметно усилился.

– Похоже, у кого-то барбекю, – сказал Боб Сэнсом. – Свиная отбивная... Лучше свиной отбивной на гриле ничего и быть не может!

– Кое-что есть, – не согласился Энтони Масколо. – Попробуй говяжий стейк на косточке – розовый внутри и обугленный снаружи... Вот это и есть лучшее!

Терри Хейнс, отставной биржевой аналитик, нахмурился и посмотрел на часы:

– Да рано еще! Кто, черт возьми, разводит барбекю в половине девятого утра? Да и заку-сочная, по-моему, еще не открылась.

В турнирные дни перед десятой лункой открывалась палатка, где продавали хот-доги, бутерброды с беконом и напитки.

– Нет, – подтвердил Энтони Масколо.

– Только бы не те чертовы туристы! – проворчал Джерри Марш, отставной солиситор.

Летом у них пару раз возникали проблемы с юными отдыхающими, незаконно ставившими палатки на территории клуба, но те не спорили и без возражений уходили.

От второй лунки Энтони Масколо шел первым, но снова отвлекся на запах, и удар не получился – мяч ушел вправо, в густые заросли, где даже найти его было задачей непростой, а уж о том, чтобы сыграть, не могло быть и речи.

Он подождал, пока пройдут другие, и сыграл временным, опять не лучшим образом, но не так плохо, как в первый раз. Мяч остановился в нескольких ярдах от деревьев.

– Чтоб тебя! – выругался под нос Масколо и отправился на поиски первого мяча. Партнеры – все они сыграли прилично и вышли на фэйрвей – составили ему компанию.

Достав из сумки восьмой айрон, Масколо полез в чащу, прокладывая путь между высохшей крапивой, высматривая блеск белых ямочек, которые могли оказаться его мячом. Запах жареной свинины сделался здесь почему-то еще сильнее. Раздвинув клюшкой ветки, он попытался представить, куда мог улететь мяч, обо что удариться и в какую сторону отскочить. Надежда, однако, сменилась досадой – впереди, на другой стороне, виднелась глубокая канава.

Вот же незадача. Если мяч попал туда, добраться до него шансов нет, и тогда придется играть временным, а значит, следующий удар будет уже третьим. Рассчитывать на пар на этой лунке уже не приходится.

– Нет, правда, у меня от этого запаха аппетит разыгрался! – сказал Боб Сэнсом. – Я сегодня не завтракал – худею, а теперь просто слюнки текут! Галлюцинации начинаются – жаркое с хрустящей корочкой...

– Тебе повезло, у меня в сумке банка яблочного соуса! – пошутил Джерри Марш.

– А у меня картошечка с подливкой! – подхватил Терри Хейнс.

Энтони Масколо все же пробился через кусты ежевики к краю канавы и с тяжелым сердцем заглянул в нее, ожидая обнаружить мяч на дне, в мутной жиже.

Но увидел он кое-что другое.

– Господи!

Примеру партнера последовал и подошедший Джерри Марш. Увидев то же, что и Масколо, он отвернулся, мертвенно побледнев, а пару секунд спустя изрыгнул собственный завтрак на свои же двухцветные туфли.

– Боже, – пробормотал, пятясь и дрожа, белый как полотно Терри Хейнс. – О боже!

Уж так устроен человеческий мозг, что, когда Энтони Масколо достал мобильный и стал набирать 999, в голове его крутились примерно такие мысли: *Эге, а ведь раунд мы сегодня не доиграем, так что и насчет этой треклятой лунки можно не переживать!* Весь ужас открывшейся картины дошел до него вместе с вонью от блевотины Джерри Марша. Секунду-другую он еще смотрел в канаву, будучи не в силах отвести взгляд, потом, потрясенный до основания, отступил.

– Служба экстренной помощи, – произнес бесплотный голос. – Вам кого?

Голос шел из телефона.

Кого? Он и сам не знал.

– Пожарных. Скорую помощь. Полицию.

Телефон выскользнул из пальцев и упал в куст. Масколо отвернулся. Голова шла кругом. Он пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за деревце.

9

Четверг, утро, 24 октября

Детектив-суперинтендент Рой Грейс сидел в своем кабинете на третьем этаже Суссекс-Хауса, где разместились департамент насильственных преступлений и юстиции и отдел тяжких преступлений по Суррею и Суссексу, и допивал часовой давности кофе, температура которого колебалась где-то между «тепловатый» и «чуть теплый». На столе лежали несколько стопок бумаг, а в корзине «входящие» около шестидесяти писем, с которыми он и разбирался, начиная с семи утра и невзирая на усталость и синдром «детского мозга».

Его сын Ной, которому было уже почти четыре месяца, никак не хотел понять, что родителям по ночам нужно отдыхать. Впрочем, Грейс и не возражал – его до сих пор переполняла радость отцовства. И все же ночь хорошего, безмятежного сна была бы нелишней, думал он. К счастью, скоро у них с Клио таких ночей будет целых четыре!

Ровно через десять дней, в следующую субботу, они официально поженятся. Изначально это событие, отложенное затем из-за юридических трудностей с признанием умершей его давно исчезнувшей жены, Сэнди, планировалось провести в сельской церкви, в деревне, где жили родители Клио, но потом выбор пал на симпатичную церковь в Роттингдине, прибрежном поселке у самой восточной оконечности Брайтона. Причиной переноса стал тамошний викарий отец Мартин, с которым они оба встречались несколько раз по работе и к которому относились с большой теплотой.

А затем, в понедельник, у молодоженов начинался короткий медовый месяц и – сюрприз для Клио – четыре ночи в Венеции. Пару раз, давно, она упоминала, что всегда хотела посетить этот город. Теперь Грейс с нетерпением ждал возможности побыть с ней вдвоем, хотя и знал, что будет жутко скучать по Ною... но не по недосыпанию.

И все же, при всей любви к Клио, радость омрачала темная тень прошлого. Сэнди. Покоя не давало затаенное чувство вины, страх, что, может быть, в то время, как он живет своей и даже более счастливой, чем раньше, жизнью, Сэнди до сих пор страдает в руках какого-нибудь похитившего ее и держащего в заточении маньяка или умерла ужасной смертью. Грейс старательно гнал эти мысли, зная, что сделал за минувшее десятилетие все возможное, чтобы найти ее. Вот и теперь он усилием воли заставил себя сосредоточиться на работе.

Одну стопку бумаг, самую маленькую и наименее важную, его новая секретарша пометила желтой наклейкой с собственноручной надписью «Регби». Грейс исполнял обязанности президента и секретаря полицейского клуба регби, и несколько ожидаемых в скором времени событий требовали его внимания. Другая стопка, также помеченная наклейкой, состояла из запросов и требований, поступивших от Николы Ройгард, недавно назначенной на должность комиссара по делам полиции и борьбе с преступностью. Будучи вторым по старшинству детективом, Грейс отвечал как за текущую работу, так и за пересмотр «висяков», в чем ему надлежало регулярно перед ней отчитываться. Приятная в общении женщина, она умела быть резкой и ничего не оставляла без внимания.

Третья, самая большая, стопка касалась неотложных бумажных дел, разобраться с которыми ему помогала финансовый следователь Эмили Гейлор, работавшая прежде в департаменте уголовной юстиции. Бумаги эти имели отношение к суду над обвиняемыми по самому свежему из последних дел, операции «Камбала», гнусному ограблению со смертью жертвы, случившемуся в Брайтоне в текущем году.

В блокноте айфона у Грейса хранился резервный список «обязательных дел» с перечнем приглашенных. Количество гостей было ограничено, поэтому, получая от кого-то отказ, они заменяли выбывшего кем-то из «списка ожидающих». Людей, которых ему хотелось бы видеть

на своей свадьбе, было так много, что это стало серьезной проблемой. Радостное, по идее, мероприятие оборачивалось большой головной болью.

Вот чего он ждал с нетерпением, так это традиционного покерного вечера, устраиваемого едва ли не каждый четверг на протяжении пятнадцати последних лет с участием нескольких его коллег-полицейских. На этой неделе очередь принимать картежников перешла к нему, и Клио уже готовила закуски и соq au vin³ для традиционного ужина, делившего игру на две половинки.

В дополнение ко всему на этой неделе он был дежурным старшим следователем. Оставалось только надеяться, что ни одно из тринадцати среднестатистических убийств, приходящихся на графство Суссекс в течение года, не случится сегодня и не нарушит планы на вечер.

Разобравшись с бумагами по регбийному клубу, Грейс прошел в кухню – с холодильником и минимальным набором предметов, необходимых для приготовления кофе. Чайник уже закипел, когда зазвонил сотовый.

– Рой Грейс, – ответил он и моментально уловил тревожные нотки в голосе оперативного дежурного, инспектора Энди Килла.

Ничего хорошего новости не принесли. Впрочем, чего-то другого такого рода звонки никогда и не сулили.

³ Петух в вине (*фр.*).

10

Четверг, утро, 24 октября

– Вы в порядке, Рэд?

Нет, я совсем не в порядке, подумала она. Но ее босс Джефф Брейди, с которым она работала в агентстве недвижимости «Мишон Маккей», хотел услышать совсем другое. А от Карла по-прежнему ничего.

Вот же мерзавец.

Почему ты лгал мне?

Рэд оторвалась от описания объекта, подготовить которое ей поручили. Задание было в новинку, а сам объект, на ее взгляд, производил пренебрежительное впечатление. Крохотный домишко в ряду ленточной застройки, задавленный находящимся рядом промышленным комплексом и расположенный на возвышенности, у дороги, по которой постоянно, дено и ночно, сновали машины. Окна выходили именно на нее. Плюс отсутствие парковки и угрюмый, не знающий солнца задний двор, достаточно просторный, чтобы прогуливать хромую песчанку.

– Я в порядке.

Джефф Брейди улыбнулся. Он всегда улыбался. Этот сорокапятилетний щеголь с ирландским акцентом источал обаяние. Скажи ему, что завтра конец света, он бы и тогда только улыбнулся и постарался повернуть еще одну сделку.

– У вас озабоченное лицо.

– Все хорошо.

Он посмотрел на монитор с только что напечатанным текстом.

Стильный коттедж рядовой застройки в пяти минутах ходьбы от вокзала, рядом с рекреационной зоной и всеми прелестями популярного района Черч-роуд. Требуется небольшое обновление. Две комнаты на первом этаже, отдельные кухня и гардеробная, две спальни наверху с отдельной ванной. Удобное расположение. Уникальная возможность приобрести собственность в центре города.

– Хмм, – задумчиво протянул Джефф. – Отметьте удобное транспортное сообщение, автобусная остановка рядом.

Так и есть, подумала Рэд. Остановка чуть ли не у двери, и движение такое, что весь дом содрогается.

– Хорошо, еще один плюс.

– *Очаровательный*, – сказал он. – Людям нравится это слово. У вас встречается *стильный*. Поменяйте одно на *очаровательный*.

– *Очаровательный* коттедж рядовой застройки?

– Да. Именно так. Мне нравится. Хорошо звучит. Что у нас с фотографиями?

Она щелкнула мышкой, выводя на экран фотографии и втайне гордясь проделанной работой. Брейди нахмурился.

– Ужасно. Кто это делал?

– Я, – ответила Рэд, не понимая, в чем дело.

Он ткнул пальцем в экран.

– Посмотрите, в туалете поднята крышка! На сушильной полке бутылка отбеливателя. В спальне повсюду разбросана одежда. Так фотографировать нельзя. Все должно выглядеть безукоризненно.

– Извините.

– Вы еще научитесь. Но эти нужно заменить. Сколько у вас сегодня просмотров?

– Пока двенадцать. С несколькими я еще работаю.

Брейди кивнул. Дневной нормой каждого риелтора-консультанта считалось пятнадцать просмотров в день.

– О'кей, – сказал он и пошел дальше.

Просторный, открытой планировки офис, в цветовом дизайне которого господствовал белый, был отделен от других помещений невысокой стеной. Висевшие над ней громадные часы служили дополнительным напоминанием о ценности времени, которое непозволительно растрачивать попусту. На другой стене красовалась белая доска со сделанной синим маркером надписью: «Обратный отсчет пошел – 164 000!» Слева шел список объектов недвижимости, цена которых возрастала со 165 000 фунтов до 3 500 000 фунтов. Справа отмечалось количество просмотров на сегодняшний день.

Все риелторы-консультанты подчинялись строгому дресс-коду: костюм, светлая рубашка и галстук – для мужчин, консервативный стиль и туфли, удобные для бесконечной ходьбы вверх-вниз по лестницам, – для женщин. День только начался; утренняя планерка едва закончилась, и теперь все готовились приступить к работе. В воздухе стоял запах кофе и всевозможных одеколонов, лосьонов после бритья, туалетной воды и духов. За окном заканчивался час пик. Время – 9.30.

Штат этого филиала состоял из девяти человек, и дела у фирмы шли хорошо, но Рэд была здесь новичком – последние двенадцать лет она занималась секретарской работой – и теперь, найдя свою нишу, только осваивалась на новом месте. За окном, если выпрямиться, открывался вид на торговый, вечно шумный район Черч-роуд и гипермаркет «Теско» на другой стороне улицы.

Рэд зевнула. Глаза болели после почти бессонной ночи, проведенной в ожидании звонка. Или стука в дверь. Карл подвел ее, бросил, но она все еще не желала в это верить. Такое поведение совершенно не вязалось с ее представлением о нем. По крайней мере, так она думала.

Ей действительно казалось, что он – другой. В отличие от кретина Доминика, а потом Брайса, воспринимавшего ее как свою собственность, Карл был таким мягким и заботливым, таким *нормальным*. Всегда спрашивал, как прошел день, чем она занималась, и даже с интересом слушал ее рассказы о тех объектах, которые она показывала клиентам. Брайс всегда любил рассказывать только о себе и иногда пытался продемонстрировать ей новый, еще не отработанный до конца фокус. А еще он запросто выходил из себя и обрушивался на нее за каждую мелочь.

Нет, мужчины все-таки дерьмо. Полное дерьмо.

А ведь она даже позволила себе поверить, что у них с Карлом может быть будущее. Он был первым из знакомых мужчин, с кем она, пожалуй, завела бы ребенка. Судя по его рассказам о сыновьях, Карл был замечательным отцом. По крайней мере, так ей казалось до вчерашнего дня.

Но не теперь, когда он так ее подставил.

Рэд перечитала описание объекта и добавила предложенное боссом слово. *Очаровательный* коттедж рядовой застройки.

Как же тяжело на сердце! Да, она злилась на Карла, чувствовала себя обманутой, но все равно, черт возьми, скучала по нему. Рэд составила и отправила еще одно сообщение. *Что случилось? Ждала всю ночь. Ты в порядке?*

Потом, на всякий случай, послала электронное письмо. *Карл, я серьезно беспокоюсь. Все ли у тебя хорошо? Если ты меня бросил, то хотя бы сообщи.*

Минут через десять она снова набрала его номер и снова попала на голосовую почту. Отправила очередное сообщение: *Карл, это Рэд, пожалуйста, позвони.*

Она повернулась к окну и замерла.

Брайс стоял на улице, в толстовке с капюшоном, и смотрел прямо на нее.

А через секунду исчез.

Рэд выскочила из-за стола, подбежала к двери и вылетела на тротуар. Мимо проехал автобус. За ним грузовичок службы доставки. Она посмотрела в одну сторону, потом в другую – никого похожего на Брайса. У него была характерная походка, он шел так, словно весь тротуар принадлежал только ему, так что заметить его было нетрудно в любой толпе. Ярдах в ста слева от тротуара вдруг отъехало такси старейшей в Брайтоне и Хоуве компании «Стримлайн».

Был ли Брайс в нем?

Или все это ей только померещилось?

Нет, не померещилось. Рэд могла бы поклясться, что видела именно Брайса. Хитрый, надел толстовку с капюшоном, чтобы она не могла рассмотреть его ясно. Но хитрым он был всегда. Ему бы направить свои способности на что-то конструктивное, а не придумывать, как превратить ее жизнь в ад, и тогда, может быть, он и сам стал бы другим, более счастливым человеком.

Но, как говорил ее отец, отошедший от дел солиситор, такие, как Брайс, никогда не меняются. А значит, ей до конца жизни придется оглядываться.

И посматривать в окно.

11

Четверг, полдень, 24 октября

Брайс Лорен зевнул. После бурных событий прошлого вечера он почти не сомкнул глаз, а утренняя смена в химчистке начиналась в пять часов. В деньгах Брайс не нуждался, работу презирал, но у него была вполне определенная цель. Жарко, душно, тяжело да еще не самый приятный запах химикалий. Несколько раз он возвращался домой с головной болью от ядовитых паров и пересохшим горлом.

Но если все пойдет по плану, больше приходить сюда не понадобится. И у него были все основания считать, что именно так оно и будет. Он уже провел несколько репетиций у себя в мастерской, имитируя нужные условия, тщательно подготовился к сегодняшнему дню и теперь с нетерпением ждал.

Брайс улыбнулся, что случалось нечасто после...

Он нахмурился. Иногда одна даже мысль об этом отзывалась болью. В его понимании жизнь делилась на три четко разграниченных сегмента. Годы, как это теперь представлялось, бессмысленного существования – до знакомства с Рэд. С ней он ожил, как будто открыл глаза. То время было самое насыщенное, волшебное, захватывающее. И вот теперь эта бесцветная, с постоянным раздражением полужизнь. Невыносимо. Без нее. Без Рэд. Эндшпиль. Заключительные недели жизни, ее и его.

Но прежде чем все кончится, он еще преподаст урок им всем – ей и ее противным родителям. Прежде чем все кончится, она еще произнесет слова, которые он так хочет услышать. И эти слова будут ее последними: *Прости. Мне очень жаль.*

12

Четверг, полдень, 24 октября

Пожарная машина, две полицейских и скорая помощь – все припарковались на третьей лужайке гольф-клуба «Хейуордс-Хит».

Рой Грейс связался по радио с местным детективом-инспектором Полом Хезлдайном, который попросил его приехать лично, и теперь, сопровождаемый новоявленным детективом-инспектором Гленном Брэнсоном, шагал к месту происшествия за взволнованным секретарем клуба. Впереди уже виднелась трепещущая на ветру полоска сине-белой оградительной ленты; рядом с небольшой палаткой экспертов-криминалистов топтался полицейский в форме. Вышедший из палатки детектив-инспектор Хезлдайн – он был в защитном комбинезоне, и узнать его можно было по высокой фигуре – нырнул под оградительную ленту.

Запах горелой человеческой плоти вызывает мысли о жареной свинине, думал Рой Грейс. Вызывает чувство голода. Но потом вы видите человеческий труп. И вот тогда ваш мозг выворачивается наизнанку от стыда за эту ужасную мысль. Но голод все равно остается. Они прошли мимо группы собравшихся у клуба гольфистов с сумками и тележками.

– Вы только посмотрите, как они все изрыли! – услышал Грейс возмущенный голос. – Неужто было обязательно выезжать на поле? А если туда упадет мяч? И когда, черт возьми, нам разрешат вернуться?

Удержавшись от соблазна повернуться и высказать недовольному джентльмену свое мнение, Грейс направился к инспектору, который с хмурым видом поприветствовал коллег и коротко ввел их в курс дела.

Суперинтендент знал Хезлдайна как человека вежливого, с изысканными манерами, пребывающего обычно в бодром, доброжелательном настроении. Когда-то, когда оба еще носили форму, они даже служили в одной группе быстрого реагирования в Брайтоне.

– Рад видеть тебя, Рой. Спасибо, что приехал.

– Я тоже рад тебя видеть, Пол.

Хезлдайн стащил перчатку и за руку поздоровался с обоими мужчинами.

– Так что у нас здесь?

– Тело. Сильно обгоревшее. Неподалеку практически пустая канистра из-под бензина. Ведем поиски на прилегающей территории.

– Имя уже есть? – спросил Грейс.

– Пока нет.

Грейс и Брэнсон вошли в палатку, сели на пластмассовые стулья и, приложив должные усилия, надели защитные комбинезоны и сапоги.

Брэнсон потянул носом воздух:

– Длинная свинья.

– *Длинная свинья?*

– Не знаешь, что такое *длинная свинья*?

– Не знаю.

– Хочешь сказать, ты не знаешь чего-то, что знаю я? – ухмыльнулся Брэнсон.

– И что же это такое?

Брэнсон покачал головой.

– Длинной свиньей каннибалы в Папуа – Новая Гвинея называют белых мужчин. Наверное, у вас такой же вкус, как у свиньи.

– Большое спасибо. А у вас какой вкус?

– Они не едят черных.

Детективы расписались в регистрационном журнале постового и, поднырнув под синюю ленту, последовали за Хезлдайном по обозначенному лентой же маршруту, между кустов ежевики. У края канавы они остановились и посмотрели вниз.

– Вот дерьмо! – вырвалось у Брэнсона.

Грейс смотрел молча, впитывая ужас открывшейся им картины.

– Ты «Кошмар на улице Вязов» видел? – не совсем к месту спросил Брэнсон.

Грейс знал, что он имеет в виду. Лежавшее в канаве напоминало реквизит из фильма ужасов.

Хотелось бы, но...

Тело лежало в грязи, посреди опаленной травы, с поднятыми вверх кулаками, словно готовилось нанести удар некоему невидимому противнику.

С обугленной кожей, безволосым черепом и пустыми глазницами, оно напоминало жуткую современную скульптуру, украденную из художественной галереи.

Если бы не запах горелого мяса. И не валявшаяся поблизости канистра.

Почувствовав подступившую к горлу тошноту, Грейс отступил от края.

В первый – и последний – раз его вырвало на вскрытии, когда он только начинал работать в полиции и в должности констебля присутствовал в морге. Случилось это после того, как патологоанатом вскрыл ленточной пилой череп лежавшего на стальном столе человека, перерезал разделочным ножом «сабатье» зрительные нервы и вынул мозг.

Вот тогда с ним и случилось то, что случается более чем с половиной полицейских, приходящих на свое первое вскрытие. Он позеленел и, пошатываясь, вышел из покойницкой. Позже, выпив сладкого чая и съев диетическое печенье, он пришел в себя, вернулся в покойницкую и оставался там до самого конца. Но вечером, уже дома, опрокинул один за другим три стакана виски, а потом, когда вернулась Сэнди, смотрел на нее глазами-рентгенами, видя и свитые кольцами кишки, и прочие внутренние органы. Заняться с ней сексом получилось только через две недели.

В последующие годы он справился с проблемой, но некоторые случаи все равно проносились до основания. Так было с мужчиной в сожженной машине на Дитчлинг-Коммон, ставшего жертвой ненависти к геям. Искореженное, обугленное, безволосое нечто не могло, казалось, быть человеческим существом.

Как и то, что лежало сейчас в канаве.

Грейс сосредоточил внимание на одной детали – больших наручных часах, обгоревших и расплавившихся до неузнаваемости. Фиксация на неодушевленном предмете помогала не смотреть на само тело.

– Кто его нашел? – спросил он, поворачиваясь к Хезлдайну.

– Члены клуба. Вышли прокатить раунд...

Грейс и сам когда-то увлекся гольфом, но все оказалось не так просто. Сэнди не нравилось, что он, помимо работы, тратит время на что-то еще, и он, признавая справедливость ее упреков, согласился оставить это занятие, с неохотой решив, что гольф – не его игра.

– Где они?

– В клубе. Я попросил подождать. Они не очень-то довольны.

– Тот человек в канаве тоже, – сухо ответил Грейс.

Хорошо бы спуститься и рассмотреть все вблизи, но это означало бы оставить на месте происшествия еще и свои следы. Да и увиденное подтверждало то, что ему уже сообщили. У Хезлдайна запищала рация. Недолго переговорив с кем-то, он повернулся к Грейсу:

– Похоже, нашли машину, которая может быть как-то связана с жертвой, хотя личность пока еще не установлена. Это в полумиле отсюда.

– И что там?

– Ключи в замке зажигания и предсмертная записка. Сейчас с машиной работает эксперт-криминалист Дэвид Грин. Следователь Клэр Деннис провела предварительный осмотр тела. Ничего подозрительного не обнаружила. В канистре осталось немного бензина. Возможно, поисковой группе удастся найти спички или зажигалку.

Грейс покачал головой.

– Что за жуткий способ покончить с собой. Думаю, если бы мне такое пришло на ум, я бы все-таки выбрал что-то не столь ужасное.

Хезлдайн кивнул. Брэнсон тоже.

Все это время Грейс напряженно размышлял. Самоубийство? Кто-то говорил ему однажды, что наилучший способ убить себя – барбитураты. Ты просто уходишь в приятном дурмане.

Самосожжение в грязной канаве?

И насколько же это мучительно? Жуть.

Он отвернулся и кивнул Хезлдайну:

– Поехали, посмотрим машину.

Следуя за инспектором, Грейс и Брэнсон прошли мимо знака со стрелкой и надписью «Тележки сюда», пересекли полянку и оказались у неширокой проселочной дороги. Возле самого края травы стояла «ауди-истейт», уже огражденная сине-белой лентой и под охраной констебля. Задняя дверца была открыта, и кто-то в защитном комбинезоне осторожно перебирал содержимое машины.

– Какие успехи, Дэвид? – спросил Хезлдайн.

Криминалист обернулся и, увидев Роя Грейса, захлопнул дверцу и приветливо улыбнулся:

– Привет, Рой! Вот уж не знал, что ты гольфист. У тебя какой гандикап?

– Не моя игра. Пробовал несколько раз, но ничего хорошего не вышло.

– У меня тоже – достали водные преграды.

Грейс криво усмехнулся. Юмор – вот что помогает всем полицейским в самых трудных ситуациях.

– И что ты тут раскопал?

– Мы только что получили подтверждение личности владельца машины. Некий доктор Мерфи. Адрес брайтонский. В багажнике сумка для гольфа и туфли. На переднем сиденье предсмертная записка. Почерк паршивый, но у врачей другого и не бывает.

Он прошел к передней дверце, открыл и указал на сиденье.

Записка лежала в пластиковом пакете для вещественных улик. Грейс достал из кармана перчатки, натянул, взял пакет и внимательно осмотрел записку. Текст был написан на листке в линейку, вырванном, похоже, из блокнота с пружинками.

Мне так жаль. Мое завещание находится у солиситора Мод Опфер из «Опфер Декстер ассоишэйтс». Жизнь после смерти Ингрид потеряла смысл. Хочу снова с ней соединиться. Пожалуйста, передайте Дейну и Бену, что я люблю их и всегда буду любить, а еще скажите, что папа ушел, чтобы заботиться о маме. Люблю вас обоих. Когда-нибудь, повзрослев, вы, может быть, сможете простить меня. ХХ.

На глаза навернулись слезы. А если нечто такое произойдет с ним самим? Если что-то случится с Клио, не получит ли Ной записку, в которой будет сказано, что отец оставил его?

Не дай бог.

Грейс перечитал записку и нахмурился. Потом положил ее на сиденье, достал телефон, сфотографировал и открыл сканер-приложение.

– Похоже, и впрямь записка самоубийцы и для нас интереса не представляет. Но я бы хотел, чтобы ее проверили на отпечатки. Снимите копию и отправьте оригинал в лабораторию Суссекс-Хауса. Я оставляю здесь инспектора Брэнсона и пришлю кого-нибудь из отдела тяжких

преступлений для помощи в расследовании, но чутье подсказывает, что дело это локальное и вы справитесь своими силами. Тем не менее заберите машину – на случай, если понадобится произвести более полный осмотр.

– Спасибо, что приехал, Рой. Рад был тебя повидать. Надо бы встретиться как-нибудь, выпить пива, вспомнить прошлое.

– Это уже похоже на план, – ответил Грейс, с облегчением думая о том, что в случае убийства вечерний покер пришлось бы отменить, и тогда несколько ближайших дней он ужинал бы исключительно петухом в вине, уже приготовленным Клио для всей компании.

Хорошо еще, что она не выбрала жаркое из свинины.

И все-таки что-то не давало покоя.

Прежде чем уехать, суперинтендент попросил Дэйва Грина обыскать тело. Дэйв нашел обугленный мобильник, который тут же отправили в отдел высоких технологий.

Оставив коллег на месте происшествия, Грейс поехал в Суссекс-Хаус. Что-то было не так в той предсмертной записке, но что именно?

13

Четверг, полдень, 24 октября

– Возьми карту, – сказал Мэтт Уэйнрайт. Практика – залог успеха. – Любую, какая только понравится. И не показывай ее мне. – Он отработанным жестом развернул колоду перед Бобби Богалом, одним из своих товарищей по «синей смене» на пожарной станции Уэртинга.

– Запомнил?

Богал кивнул.

– Положи ее на место.

Богал вернул карту в колоду.

Тем же ловким жестом Уэйнрайт сложил веер в аккуратную стопку карт.

– Хорошо. А теперь, пожалуйста, сделай одолжение, постучи по колоде.

Богал постучал по колоде.

Секундой позже одна из карт выскочила из колоды и, кувыркнувшись, легла на пол лицевой стороной вниз.

– Подожди, не трогай. Скажи-ка нам, Бобби, какую карту ты брал.

– Даму червей.

– Переверни.

Бобби наклонился и перевернул карту – тройка трэф.

Наблюдавшие за игрой пожарные – их собралось здесь десять человек – рассмеялись.

– Облажался, Мэтт! – заметил Дарен Уиккенс, начальник «синей смены».

– Неужели?

– У тебя что, мозги высохли? Бобби выбрал даму червей. А здесь тройка трэф. Протри глаза!

Еще один взрыв смеха.

– Ладно, Бобби, постучи по колоде еще разок, – попросил Мэтт.

Богал с удовольствием постучал. Вторая выпрыгнувшая карта тоже кувыркнулась в воздухе и легла на пол лицом вниз.

– Переверни.

Бобби снова наклонился, поднял карту и повернул ее так, чтобы все увидели. Теперь это был пиковый валет.

– Ну, Мэтт, облажался по полной! – подвел итог кто-то из коллег.

– Еще фокусы есть? – спросил другой. – Может, повторишь тот, что показывал на прошлой неделе, когда надо было запомнить три карты?

Несколько секунд Уэйнрайт молчал, потом повернулся к Богалу:

– Что у тебя в кармане?

– Сигареты.

– Что еще?

Богал похлопал по нагрудному карману.

– Ах да, бумажник.

– Открой его.

– Осторожно! – крикнул кто-то. – Смотри, сейчас моль вылетит!

Все грохнули со смеху.

Богал достал бумажник и поднял, чтобы все видели.

– Скажи нам время, Бобби, – попросил фокусник.

Богал взглянул на запястье:

– Черт! Где мои часы?

– Можешь описать их?

– «Касио», на коричневом кожаном ремешке.

Мэтт поднял руку – на запястье висели «касио» на коричневом кожаном ремешке.

– Случайно, не эти?

Бобби Богал обжег фокусника сердитым взглядом – надо же, выставил его дураком!

– А теперь, Бобби, загляни в бумажник и скажи, что ты там видишь.

Бобби вытащил игральную карту и уставился на нее в полнейшем изумлении. Это была дама червей.

– Что за чертовщина! Ну и ну! Как ты это сделал, Мэтт?

– Если скажу, мне придется тебя убить.

Секундой позже взревела сирена.

На стене замигали три сигнальных лампочки. Одна означала небольшое происшествие, требовавшее выезда одной машины. Две – на выезд отправлялась вся дежурная команда. Три показывали, что ситуация крайне серьезная и необходимо привлечь резерв. Резерв состоял из добровольцев, живших и работавших на таком расстоянии от пожарного депо, покрыть которое можно за четыре минуты – на машине или велосипеде.

Все мгновенно вскочили и устремились к выходу из комнаты отдыха с ее диванами, креслами и пребывавшим по большей части в забвении бильярдным столом. Выскочивший первым старший смены открыл дверь к спусковой шахте. Все по очереди соскользнули по шесту вниз и побежали к огромному гаражу, где стояли пожарные машины – большие красные ящики, как называли их здесь. Приходя на смену, каждый первым делом укладывал форму и ставил сапоги с заправленными в них штанинами на определенное место возле машины.

Менее чем за минуту и пятнадцать секунд после сигнала все, кроме водителей – они не могли вести машину в сапогах, – переоделись в огнеборческие доспехи; гаражные двери поднялись, и две первые машины, каждая по восемнадцать тонн весом, завывая сиренами, выехали во двор, а потом, когда движение остановилось, и на улицу.

14

Четверг, вторая половина дня, 24 октября

– Начнем сверху? – предложила Рэд.

Весь день она пробыла в ужасном расположении духа, и бодрый тон давался ей нелегко. Молодая пара согласно кивнула.

– Мне нравятся эти дома, – продолжала Рэд, поднимаясь по лестнице. – При короле Эдуарде знали, как строить, поэтому дома и стоят так долго. И Портленд-авеню такая прелестная улица!

– Какие здесь детские учреждения? – спросила женщина – размеры ее живота указывали на немалый срок беременности, – когда они поднялись на площадку.

– В этом отношении, миссис Хоуви, Нью-Черч-роуд по-настоящему повезло. Их здесь несколько, в том числе Дипдин, частный детский сад, и Сент-Кристофер, до которого не больше пяти минут. Тоже частное учреждение, с прекрасной репутацией.

Муж скептически огляделся.

– По-моему, Сэм, площадка довольно маленькая.

– Да, – тут же отозвалась Рэд. – Дело в том, что архитекторы того времени считали более важными размеры спален. Я начну с меньшей. – Она открыла дверь и отступила, пропуская пару. – Идеальная комната для вашего малыша, согласны?

Комната и впрямь была симпатичная, окна выходили на южную сторону и боковую стену соседнего дома.

– Да! – воскликнула женщина. – Здесь чудесно!

– Вот только света маловато, – вставил муж.

Приятный парень, в хорошем костюме. И женщина милая, такая энергичная. Рэд ощутила укол зависти, заметив, как эти двое держатся за руки. Они продали свою квартиру и собирались расплатиться наличными, и этот домик был в их ценовом диапазоне. Она уже представляла, как они устраиваются здесь, в тихом жилом районе к северу от Нью-Черч-роуд, неподалеку от моря и почти рядом с большим торговым центром. Как гуляют по улицам, толкая перед собой коляску.

Она бы и сама с удовольствием поселилась в таком доме. Жила бы в нем с Карлом, носила бы его ребенка. Как чудесно все могло бы быть! Ее родители еще не познакомились с Карлом, но Рэд знала, что он понравился бы им. Ее мать, специалист по персональному росту, хорошо разбиралась в людях. Брайса она невзлюбила с первого взгляда, но тогда Рэд была без ума от него и не желала слушать предупреждения матери.

Из-за Брайса они и разругались, а уже потом он обвинил ее родителей в их разрыве.

Лишь когда мать предъявила доказательства, Рэд не оставалось ничего иного, как признать правду. Правду, состоявшую в том, что все, касавшееся Брайса, было ложью.

С Карлом она проявила большую осторожность и тайком навела о нем справки, из-за чего почувствовала себя подлой шпионкой, и немного успокоилась.

– Запасная спальня весьма приличных размеров и с отдельной ванной, – сказала она, открывая дверь в замечательную во всех отношениях комнату, которую приберегала напоследок.

– Да! – восхищенно воскликнула миссис Хоуви.

– Твои родители будут рады, когда приедут, – сказал муж. – Им будет где остановиться. Звучит обещающе, подумала Рэд.

Она провела клиентов через площадку к *pièce de resistance*⁴, открыла дверь в главную спальню и, пока они осматривались, открыла на телефоне приложение «Скай-ньюс», из последних сил надеясь на какие-то новости о Карле.

– Ух ты! – сказала миссис Хоуви. – Вы правы – комната потрясающая.

– Вот только ванна немножко не то, – добавил мистер Хоуви.

– Мы всегда сможем ее заменить. Согласись, дорогой, комната – сказочная!

Рэд не слушала. Словно зачарованная, она смотрела на экран и не могла отвести глаз.

⁴ Гвоздь программы, главная достопримечательность (*фр.*).

15

Четверг, ближе к вечеру, 24 октября

Обгоревшее тело из канавы гольф-клуба «Хейуордс-Хит» выглядело, если такое вообще возможно, еще ужаснее под ярким светом прожекторов. Гленн Брэнсон стоял вместе с сержантом Беллой Мой из отдела тяжких преступлений, которую Рой Грейс отрядил ему в помощь. Оба изрядно продрогли под холодным осенним ветерком, топчась за экранами, поставленными специально для того, чтобы патологоанатом министерства внутренних дел, доктор Фрейзер Теобальд, мог изучить тело на месте. Хотя пока что все указывало на самоубийство, перед детективами стояла задача исключить иные варианты.

Чуть раньше Брэнсону уже пришлось иметь дело с секретарем клуба Джеймсом Биркетом, считавшим, что полиция превысила свои полномочия, закрыв клуб, и требовавшим определенного ответа на вопрос: когда его членам разрешат возобновить игру? Облеченное в мягкую форму объяснение инспектора, что решение об открытии клуба зависит от выводов патологоанатома – подтвердит ли он вывод о самоубийстве или усмотрит признаки преступления, – секретарь воспринял крайне негативно. Второй вариант означал, что эта часть поля будет закрыта для игроков по крайней мере еще несколько дней.

Гленн попытался успокоить раздосадованного Биркета и, сдерживая собственное раздражение, вежливо осведомился: как чувствовал бы себя сам секретарь, если бы несчастный был членом его собственной семьи, разве он не хотел бы, чтобы полиция сделала все возможное, чтобы найти преступника, и разве позволил бы игрокам выйти на поле, зная, что они могут просто-напросто затоптать какую-то важную улику?

Сейчас, в режущем глаза свете прожекторов, тело еще более напоминало реквизит из фильма ужасов, и Брэнсон не в первый уже раз напомнил себе, что это останки человека, возможно, сына, отца, любимого. Пока патологоанатом работал с телом – неторопливо, тщательно, методично, – Гленн опасливо положил руку на плечо Беллы. В наш новый, политкорректный век с такими жестами следует быть поосторожнее, тем более в полиции. Одно сомнительное движение – и тебя обвинят в сексуальном домогательстве.

Ему нравилась Белла. Очень сильно. Хотя его жена Эри умерла всего пару месяцев назад, до ее внезапной смерти, последовавшей в результате несчастного случая, они уже больше года жили раздельно, и она начала процедуру развода. Даже под синим капюшоном защитного комбинезона Белла выглядела привлекательной. В свои тридцать с лишним она не была красавицей в традиционном смысле, но обладала выразительным лицом и хорошей фигурой, и Брэнсон полагал, что, если бы Белла позволила ему заняться ее внешностью – как когда-то Рой Грейс, – она расцвела бы по-настоящему.

И все бы хорошо, если бы не одно досадное обстоятельство. В данный момент Белла Мой, похоже, встречалась с одним из его коллег, сержантом Норманом Поттингом. Что она нашла в нем, этом четырежды разведенном, потрепанном жизнью, плешивом и далеко не молодом женоненавистнике и курильщике, Гленн не понимал. В любом случае он твердо вознамерился предпринять попытку наступления.

Она отозвалась на знак внимания, придвинулась ближе, прижалась к его плечу.

– Как же я замерзла! И проголодалась.

– Боюсь, свиные шкварки предложить не могу.

Белла поежилась:

– Какая гадость! Большое спасибо, Гленн.

У нее вдруг зазвонил телефон. Она ответила, а Гленн наострил уши, стараясь услышать голос звонящего. Белла отошла на пару шагов, и ее лицо ожило.

– Я сейчас на выезде. Самоубийство. Мы здесь с Гленном. Перезвоню позже, когда здесь все закончится, ладно?

Между тем патологоанатом достал линейку и измерил верхнюю часть ноги жертвы. Наблюдая за ним, Брэнсон думал о том, какие они разные, те патологоанатомы, с которыми ему доводилось работать. Низенькие, толстенные, веселые. Изящные и красивые. Высокие и циничные. Жилистые и невозможно серьезные. Доктор Фрейзер Теобальд был мал ростом, имел плотное сложение и крохотные карие глаза. В свои пятьдесят с лишним он мог похвастаться лишь густыми усиками в стиле Адольфа Гитлера, выглядевшими нелепо под массивным носом, и растрепанным клоком жестких курчавых волос на голове. Брэнсон полностью разделял мнение Роя Грейса, заметившего как-то, что Теобальду недостает лишь толстой сигары во рту, чтобы сносно изобразить на любом маскараде Граучо Маркса.

Когда Белла закончила разговор, он вопросительно посмотрел на нее, но она отвела глаза.

– Послушай, Гленн, если тебе надо домой, иди и ни о чем не беспокойся – я останусь и сама со всем справлюсь.

– Мне спешить некуда.

– А как же дети?

– С ними сестра Эри. Они ее обожают, так что все в порядке.

Белла посмотрела на него с теплотой:

– У тебя действительно все хорошо? Это, должно быть, ужасно... твоя жена...

Теперь телефон зазвонил у него.

– Гленн Брэнсон, – ответил он.

Звонил Рей Пэкем, спокойный, методичный парень из отдела высоких технологий, задержавшийся на работе с коллегой, чтобы поработать с обгоревшим телефоном жертвы.

– С телефоном нам повезло, Гленн, – сказал он. – Будь это айфон – а они все закодированы, – ничего бы не получилось. А здесь у нас «Гэлакси S11», так что чип можно прочитать. Мы еще не закончили, но, думаю, кое-какая полезная информация уже есть. К твоему сведению, за последние двадцать четыре часа кто-то звонил на этот номер несколько раз.

– Номер звонившего определили?

– Да! – ответил Пэкем голосом человека, весьма собой довольного.

16

Четверг, вечер, 24 октября

В комнате на первом этаже таунхауса Клио, где Рой Грейс сидел за круглым самодельным столом со своими партнерами по покеру, тянуло сквознячком. Как и у некоторых из гостей, в пепельнице рядом с ним дымилась сигара. Он проверил две лежащие на столе карты – пиковый туз и трефовая девятка, – решая, чем ответить на розданный Шоном Макдональдом, недавно вышедшим в отставку констеблем службы общественного порядка, флоп.

Дама червей, трефовый туз и пиковая девятка.

Две пары, тузы и девятки. В принципе, очень даже неплохой расклад.

Посередине стола горкой высились игральные фишки. Рядом с каждым игроком стоял стакан виски или бокал вина и лежала стопка банкнот. В пепельницах – скорлупа от орешков и крошки от чипсов. Над столом – пелена дыма, постепенно смещавшаяся в сторону открытого окна. Клио осталась наверху – она занималась в Открытом университете и готовилась получить степень по философии. Ной спал в своей комнате за плотно закрытой дверью.

Грейс уныло взглянул на свою более чем скромную кучку фишек. Полной сосредоточенности на игре мешали посторонние мысли. С другой стороны, с такими картами его шансы выглядели неплохо. Он осторожно положил две фишки по одному фунту.

Слева от Роя сидел Боб Торнтон, давно вышедший в отставку детектив-инспектор и старейший на данный момент из регулярных игроков. Сама игра продолжалась уже много лет, неделю за неделей, по четвергам, в доме одного из картежников.

Началось это задолго до поступления Грейса на службу в полицию. Чаше других выигрывал как раз Боб, что подтверждалось и теперь внушительной горкой фишек и стопкой наличных.

Сгорбившись, прижав карты к груди, Торнтон осторожно проверил полученное на первой сдаче, и наблюдавшему за ним Грейсу показалось, что настороженные глазки за стеклами очков жадно блеснули. Он открыл и закрыл рот, по-змеиному стреляя языком, и Грейс, считавший, что умеет читать язык тела старого хитреца, сразу же понял: опасаться Боба не стоит, если, конечно, ему не повезет с картами в двух следующих раундах, терне и ривере.

Однако, к его удивлению, Боб Торнтон поднял ставку еще на три фунта. Грейс посмотрел на остальных. Гэри Блисдейл, тридцатичетырехлетний детектив из брайтонского управления уголовных расследований, серьезный парень с узким лицом и короткими курчавыми волосами, надевший по случаю толстовку поверх футболки, бесстрастно рассматривал свои карты.

Сидевший рядом с Гэри Крис Кроук представлял дорожную полицию. Худощавый, жилистый, коротко стриженный блондин с голубыми глазами и бьющим наповал шармом, Крис был законченным дамским угодником и, женившись недавно на состоятельной леди, вел образ жизни, более подходящий плейбою, чем полицейскому. Игрок он был рискованный и непредсказуемый, и Грейс, знавший Криса в этом качестве уже семь лет, так и не смог расшифровать язык его тела. Ему, похоже, было все равно, выиграет он или проиграет; гораздо легче просчитывать того, кому есть что терять. Сейчас Кроук удвоил анте, подняв на все пять фунтов.

Грейс перевел взгляд на Фрэнка Ньютона, тихого, начавшего лысеть мужчину, работавшего в отделе информационных технологий брайтонской полиции. Он редко блефовал, редко поднимал и в результате редко уходил с выигрышем. Обычно Ньютона выдавал нервный тик у правого глаза – верный признак наличия сильной карты. Именно этот сигнал он сейчас и подавал. Но потом вдруг покачал головой:

– Я пас.

Очередь снова дошла до Грейса. Ему оставалось либо поднимать ставку, либо выходить. На руках две пары и впереди еще две карты. Другие тузы и девятки не светились. Он добавил еще восемь фунтов.

Мысли опять устремились к предсмертной записке, которую он сфотографировал и теперь знал наизусть. Записка не давала покоя. За годы службы он не раз сталкивался с суицидами и дважды имел дело с замаскированными под самоубийство убийствами. Какого-то единого шаблона в них не было, да и кто знает, что творится в голове у человека, замыслившего столь ужасный шаг?

Из того немногого, что стало известно о жертве, следовало, что это был семейный доктор, человек симпатичный и уважаемый. Накануне Карл Мерфи отправился на турнир по гольфу и сыграл очень хорошо. Его сестра забрала из школы детей и ожидала возвращения брата домой. Он признался ей, что собирается вечером на свидание и поэтому договорился с няней.

Так ли ведет себя человек, задумавший самоубийство?

Еще одна карта открытой легла на стол. Тройка треф. Нет, ему такая не нужна. Грейс посмотрел на четыре лежащих на столе карты. Учитывая, что у него есть туз и девятка, расклад неплохой. Карты на столе – совершенный разнобой. Так что едва ли кому-то удастся собрать стрит или флеш. Он подвинул вперед пятифунтовую фишку, но вернуться мыслями к записке не успел – зазвонил телефон.

Грейс взглянул на дисплей – Гленн Брэнсон.

Извинившись, он поднялся из-за стола и отошел в сторонку.

– Извини, что разбудил, старичок.

– Очень остроумно.

– Речь о нашем самоубийце в «Хейуордс-Хит», интересует?

– Говори.

– На данный момент Фрейзер Теобальд самоубийство подтвердить не может. Скажет точнее завтра после вскрытия.

– Есть подозрения?

– Нет. Но для полной ясности необходимо вскрытие.

– Хорошо. Ты где? Все еще в клубе?

– Работаю над гандикапом.

– Ха-ха!

– Да, смех и только. Здесь такая холодыря.

– Рой! – крикнул кто-то. – Ты с нами?

Грейс дал отбой и, вернувшись к столу, увидел лежащую лицом вверх последнюю карту – девятку червей.

Он моментально ощутил прилив адреналина. С его тузом и девяткой получается фулхаус. Три девятки и пара тузов. Он посмотрел на пять открытых карт. На секунду задумался, прикидывая варианты. Судя по тому, что есть, побить его некому. Единственный вариант – если у кого-то более высокий фулхаус с двумя тузами, полученными на руки при раздаче. Грейс оглядел партнеров и поднял ставку на десять фунтов.

Боб Торнтон облизал губы и добавил тридцать. Остальные сбросили карты.

Грейс пристально посмотрел на старого детектива. Боб, конечно, блефовал. Ладно. Он ответил тем же.

Торнтон не сдавался – еще тридцать.

– Ну, покажи свое, – сказал он.

Грейс швырнул на стол две свои карты и торжествующе усмехнулся.

Триумф, однако, оказался скоротечным.

Торнтон перевернул свои, явив двух дам.

– Фулхаус. Три дамы и пара девяток.

Старик подгреб к себе внушительную горку фишек.

Грейс состроил гримасу.

Торнтон ухмыльнулся и с лукавым видом облизал губы.

Вот же пройдоха! – подумал Грейс, с горечью понимая, что его перехитрили. Похоже, старый хрыч догадался, на какие детали обращает внимание противник, и сыграл на этом.

В дверях появилась Клио:

– Ужин готов! Ну, как у вас здесь?

17

Четверг, вечер, 24 октября

Рэд сидела перед телевизором с бокалом вина, глядя как замороженная на горящий ресторан «Куба Либре».

Скованная страхом.

«Куба Либре» был ее любимым рестораном, и именно туда, в те, уже далекие, счастливые времена Брайс повел ее на их первом свидании. Большой, просторный, с великолепным баром, удобными диванчиками и потрясающим меню. И так совпало, что туда же на их единственное свидание пригласил ее Карл.

Сейчас над рестораном кружил вертолет. Репортер, стоявший на дороге с микрофоном в руке, в окружении синих мигалок, кричал в камеру, что пожар, начавшийся в кухне, вышел сейчас из-под контроля.

Рэд допила вино, подлила в бокал еще и, хотя пообещала Карлу бросить курить, достала из пачки третью за вечер сигарету.

И тут в дверь позвонили.

Господи, пожалуйста, пусть это будет Карл!

Рэд подбежала к интеркому и посмотрела на крохотный черно-белый экран. Надежда схлынула. Она увидела двоих полицейских в форме и нажала кнопку:

– Да?

– Мисс Рэд Уэствуд? – заговорила женщина-полицейский. – Здесь сержант Нельсон и констебль Споффорд из суссекской полиции. Извините, что беспокоим вас так поздно. Мы можем поговорить?

Сердце тут же заколотилось. Констебль Споффорд много раз приезжал по вызовам, когда Брайс пускал в ход кулаки, и ей не оставалось ничего другого, как только звонить в полицию. Встречалась она и с сержантом Нельсон.

Часы показывали половину одиннадцатого вечера.

Несколько месяцев назад, истрепав в клочья нервы, она, по предложению подруги Рэжел, прочитавшей в «Аргусе» статью о благотворительности, обратилась за советом в «Проект «Убежище». В тот день, когда она набралась наконец смелости выгнать Брайса, ей помогли укрепить дверь и окна и поставить глазок. Ей также посоветовали обратиться в полицию с официальным заявлением и выдвинуть обвинения, но тогда она не захотела этого делать из опасения разозлить Брайса еще больше.

Принятые меры не дали ощущения безопасности, и через какое-то время Рэд перебралась временно в эту квартиру с надеждой, что здесь он ее не найдет.

Выйдя в коридор, она прошла мимо дорогого дорожного велосипеда, который держала в квартире, поскольку предыдущий просто украли. Второй велосипед, для езды по городу – Рэд называла его *дерьмовым великом*, – стоял внизу, прикованный цепочкой. К нему она относилась спокойнее – украдут так украдут.

– Поднимайтесь. – Рэд нажала кнопку, прильнула к глазку – никогда не знаешь, кто может прятаться на лестничной площадке – и лишь потом сняла цепочку, повернула ключи в двух врезных замках и открыла укрепленную входную дверь.

На лестнице загорелся свет. Послышались шаги. А потом появились хорошо знакомые фигуры: высокий, подтянутый констебль Роб Споффорд и казавшаяся почти крохотной рядом с ним сержант Карен Нельсон. Густые, волнистые волосы как будто подпрыгнули, когда сержант сняла головной убор. Собранная и невозмутимая, она держалась уверенно и властно, одним лишь своим видом приводя в чувство самых разнузданных нарушителей порядка.

Ее двадцатидевятилетний коллега выглядел моложе своих лет благодаря, прежде всего, дружелюбному выражению лица и коротко постриженным темным волосам. Открытый взгляд располагал к общению, вызывал желание выговориться. И да, он умел слушать. Констебль часто бывал у нее, отзываясь на звонки по 999, а потом, в последующие дни и недели, заглядывал проверить, все ли в порядке. И тогда она говорила, а он слушал и предлагал свой совет. Рэд питала к нему искреннюю симпатию и уважала за основательность и мудрость.

Пригласив гостей в квартиру и закрыв дверь, она с беспокойством посмотрела на обоих:

– Что... что случилось?

– Мисс Уэствуд, нам нужно задать вам несколько вопросов, – сказала сержант Нельсон.

– Да, конечно. Хотите что-нибудь выпить? Чай, кофе, бокал вина?

Сержант покачала головой:

– Нет, спасибо. Если можно, мы бы сели.

Рэд провела их в гостиную и, щелкнув пультом, отключила звук телевизора.

– Этот пожар... ужасно...

– Любимый ресторан моей жены, – заметил констебль Споффорд. – Хотя, конечно, не по нашему карману. Разве что в особых случаях.

Все сели и несколько секунд молча смотрели на экран.

– Рада вас видеть, Роб... то есть констебль... Споффорд. – Рэд не знала, уместно ли называть полицейского по имени в присутствии старшего по званию.

– Несколько месяцев у вас не был. Все тихо?

– Да. Может быть, Брайс уехал или нашел себе кого-то.

– Это хорошо. – Констебль, как ей показалось, чувствовал себя немножко не в своей тарелке.

– Мисс Уэствуд, – продолжала сержант Нельсон, – судя по информации, полученной нами из телефонной компании «О2», за последние двадцать четыре часа вы сделали довольно много звонков на один определенный номер. – Она назвала номер. – Это так?

Рэд неуверенно кивнула, чувствуя неприятное шевеление в глубине живота.

– Почему... почему вы спрашиваете?

Полицейские переглянулись, и Рэд разволновалась уже не на шутку.

– Зарегистрированный владелец этого номера доктор Карл Мерфи, – сухо, официальным тоном сказала сержант. – Позвольте спросить, вы его знаете?

Мелькающие на экране образы не давали сосредоточиться. Рэд схватила пульт и выключила телевизор.

– Почему? Что... что он сделал? С ним что-то случилось?

– Могу ли я спросить о характере ваших отношений с доктором Мерфи?

У Споффорда зазвонил телефон. Он достал его из кармана, взглянул на дисплей и, отключив, виновато посмотрел на женщин.

– Мы собирались встретиться, – сказала Рэд и пожала плечами. – Он должен был заехать за мной вчера в семь вечера, но так и не появился. А что? С ним что-то случилось?

– Вы давно встречаетесь?

Рэд на секунду задумалась.

– Около шести недель.

– Не касаясь деталей, мисс Уэствуд, как бы вы охарактеризовали ваши отношения с доктором Мерфи?

– В чем все-таки дело? – Нервно, Рэд всегда раздражалась. Она посмотрела на Споффорда, но тот сохранял нейтральное выражение, хотя и чувствовал себя явно некомфортно.

Сержант посмотрела на нее сочувственно, и на мгновение Рэд показалось, что она смягчается, но ответ снова прозвучал бесстрастно, как будто женщина, спохватившись, отступила на позицию профессионального полицейского.

– Боюсь, вам нужно подготовиться к плохой новости. Мы нашли тело. Обстоятельства не вполне обычные, но есть основания предполагать, что это доктор Мерфи. Возможно, вы сумеете нам помочь.

– Тело?

– Боюсь, что да.

– Что вы имеете в виду? Он мертв?

– Официально личность еще не установлена. Но мы практически уверены, что это доктор Мерфи.

– Нет, это не он. Не Карл, – с чувством заговорила Рэд. – Вы ошиблись. Почему вы думаете, что это он?

– У вас была с ним какая-то размолвка? – спросила сержант.

Рэд решительно покачала головой:

– Абсолютно никакой. Вовсе нет. Я думала, что мы... – Она не договорила.

Карен Нельсон посмотрела на нее выжидающе и, не дождавшись продолжения, подтолкнула:

– Что вы думали?

Рэд покачала головой.

– Впервые в жизни я подумала, что встретила мужчину, не похожего на других. Только и всего. Но прошлым вечером он подвел меня. – Она залпом допила вино, взяла пачку и вытряхнула сигарету. – Вы не против, если я закурю?

– Дом ваш, – пожала плечами сержант.

– Мне запах даже нравится, – сказал Споффорд. – Пожалуйста...

– А вы не хотите? – Рэд протянула пачку.

– Я бы с удовольствием, но нет, спасибо.

Она закурила.

– Пожалуйста, расскажите, что случилось. Вы упомянули, что нашли тело... это несчастный случай?

Полицейские снова переглянулись, и этот взгляд сказал ей все, что требовалось знать.

– Пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне все, что вам известно, – взмолилась Рэд. – Он попал в аварию? Скажите хотя бы это!

– Мы можем установить, когда у вас был последний контакт с доктором Мерфи?

– Последний раз я видела его в воскресенье, но мы разговаривали каждый день, по нескольку раз. Я говорила с ним во вторник вечером. Он... – Она замялась на секунду. – Он сказал, что обожает меня.

– По-вашему, у доктора Мерфи была депрессия?

– Депрессия? Нет! Позвольте уточнить. Да, он говорил, что был глубоко опечален смертью жены. Что даже подумывал о самоубийстве, потому что очень ее любил. Но Карл никогда бы этого не сделал – из-за детей. Он просто не мог так с ними поступить.

– Так он все же говорил о самоубийстве? – Сержант сделала пометку у себя в блокноте. – Что именно он говорил?

Рэд покачала головой:

– Он говорил об этом не всерьез. Говорил, что такая мысль приходила ему в голову сразу после ее смерти, но он ее отбросил.

– Вы так уверены?

– В том, что он не мог покончить с собой? На сто процентов. Он очень позитивный. И живет ради детей. Они для него – все. – Ее вдруг словно накрыла темная туча. – Почему вы спрашиваете о самоубийстве?

– Я не хочу расстраивать вас без необходимости, мисс Уэствуд, – сказала сержант Нельсон, – но человек, тело которого мы нашли, вероятно, совершил самоубийство. Полной уве-

ренности в том, что это Карл Мерфи, пока нет, но найденный на месте телефон – это тот, на который вы звонили.

Рэд закрыла глаза:

– Нет. Господи, нет. Пожалуйста, пусть это будет не Карл. Сержант подняла руку, как будто извиняясь.

– Я сообщу вам, когда получу дополнительную информацию. Обещаю.

– Просто для уточнения, – сказал Споффорд. – У вас с Брайсом Лореном все тихо? Давно?

Рэд ненадолго задумалась.

– Да. Тихо. С тех пор как мы расстались.

– Вот и хорошо. – Он записал что-то в блокнот. – Вы ничего не слышали? Нигде его не видели?

– Нет. Он не звонил, и я его не видела. Хотя... Сегодня утром мне показалось, что я его видела из окна нашего офиса, но это не точно.

– Вы видели его сегодня утром? Несмотря на имеющееся решение суда? Ему ведь запрещено подходить к вам ближе чем на полмили. Вы сообщили об этом?

– Нет, – хмуро ответила Рэд. – У меня не было полной уверенности. Может, мне это показалось. Я вышла и не смогла его обнаружить. – Она пожала плечами.

Полицейские поднялись, и Рэд проводила их к выходу.

– Думаю, вы ошиблись. Мы с Карлом разговаривали... о будущем. Он не стал бы убивать себя. Поверьте мне. Вы просто ошиблись.

– Я свяжусь с вами, как только будут новости, – сказала Карен Нельсон.

Выходя следом за коллегой, констебль Споффорд сочувственно и вместе с тем беспомощно улыбнулся Рэд. Она не ответила. Как будто вдруг окоченела. Закрыла и заперла дверь. Внутри у нее все тряслось.

18

Четверг, вечер, 24 октября

Вэн – вот же молодчик! – зарубал Someone Like You, а сам Брайс смотрел сразу два разных шоу, причем оба без звука, на разделенном экране своего пятидесятипятиметрового «самсунга». На одном шли новости, на другом – то, ради чего ему, по большей части, и требовался телевизор. По большей части, но не сегодня.

Ему нравилась эта песня. Они танцевали под нее на втором свидании в каком-то брайтонском ночном клубе. «Такая, как ты!» – прошептал он ей на ухо и поцеловал в щеку. Потом они поцеловались в губы и так, не размыкая губ, и протанцевали до самого конца песни.

Он видел, как она, проведив копов, вернулась в комнату, налила большой бокал белого вина и закурила еще одну сигарету.

Ах ты, ах ты. Слишком много куришь, крошка. Но не беспокойся, дыми! Это тебя не убьет. Тебя убьет кое-что другое, а не эти тонкие белые штучки с фильтром.

Она подобрала пульт и включила звук – шел выпуск новостей. Пожар в «Куба Либре» больше не показывали. На экране был премьер-министр. Он приехал на какую-то фабрику по производству супа и ходил по ней в дурацкого вида защитной шапочке и перчатках. Пробуя из большой ложки суп, премьер одобрительно кивал.

Рэд плакала.

Брайс тоже плакал. Он смотрел на экран ноутбука, на все те имейлы, что она присылала ему в те первые дни, когда они так любили друг друга.

Ты – чудо! Я так по тебе скучаю, мой дорогой Брайс. Жду не дождусь сегодняшнего вечера. xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Господи, мой милый Брайс, что ты со мной сделал? Каждая секунда без тебя – истинная пытка. Жду и желаю. xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Я говорила, что ты – самый изумительный, невероятный, умный, красивый мужчина из всех, кого я только встречала. Я так тебя хочу. Приходи поскорей. На мне уже нет ничего под одеждой, и я жду. xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Глупая девчонка, – думал он, шмыгая носом и вытирая глаза. – Глупая, глупая девчонка. Помнишь, как мы ходили смотреть «Отелло» в лондонском Олд-Вике? Помнишь ту строчку? Ты, как дикарь, который поднял собственной рукою и выбросил жемчужину ценней, чем край его.

Помнишь?

19

Двумя годами ранее

К выбору платья Рэд подошла со всей тщательностью да еще привлекла к этому делу свою лучшую подругу Рэкел. В то субботнее июньское утро они вместе предприняли многочасовой поход по модным брайтонским магазинам. В конце концов она остановилась на простом черном платье «А-линия» из бутика на Дюкс-Лейн. И продавщица, и Рэкел – тоже рыженькая – подтвердили, что Рэд выглядит в нем потрясающе сексуально и притом без лишней откровенности.

Ей всегда шло черное, так что, следуя за метрдотелем через зал брайтонского ресторана «Куба Либре» – под громадными бамбуковыми лопастями, к столику в углу, – она чувствовала себя совершенно уверенно.

Мистер Лорен еще не пришел, с извиняющейся улыбкой сообщил метрдотель. Но, подойдя к столику, Рэд с удивлением обнаружила бутылку шампанского в ведерке со льдом и красную розу на тарелке перед стулом, к которому ее подвели.

– Желает ли мадам выпить что-нибудь?

– Нет, спасибо, – сказала она, хотя, по правде говоря, нервничала в тот момент так, что большой стакан коктейля был бы очень даже кстати.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и нескольких минут, как у ее столика возникло видение. Высокий, с короткими, уложенными с гелем черными волосами – ни дать ни взять молодой Джордж Клуни. На нем был прекрасный черный льняной пиджак, рубашка с открытым воротом, дорогие на вид джинсы и черные лоферы. А еще он улыбался – самой самоуверенной улыбкой из всех, что она видела, – демонстрируя безукоризненно белые зубы. Вживую он выглядел даже лучше, чем на фотографии.

– Вы пришли раньше – непростительная оплошность с моей стороны. Мне так жаль. – У него был фантастический голос с едва заметным американским акцентом. Он взял ее руку, поцеловал – она уловила тяжелый, пахучий и очень-очень сексуальный аромат его одеколона, – потом сел напротив и, еще раз улыбнувшись, сказал: – Вау! Вы совсем не такая, какой я вас представлял!

Она улыбнулась:

– Неужели? – Ей в голову пришла та же мысль. Такой роскошный мужчина, и зачем ему понадобилось пользоваться услугами бюро знакомств?

– Нет, на самом деле я имел в виду... Я видел вашу фотографию на сайте и на вашей странице в Фейсбуке... знал, что вы красивая, но... но не настолько же красивая!

– Ну, сказать по правде, вы для меня тоже приятный сюрприз! – призналась Рэд. – И спасибо за цветок. Вы очень внимательны.

– Любите шампанское?

– Ну, если уж вы настаиваете, – усмехнулась она.

Он поднял руку, помахал, и уже в следующее мгновение у столика возник официант.

– Марочное. Для вас – только самое лучшее.

Официант наполнил бокалы, и Брайс поднял свой.

– Итак... – Он улыбнулся, и от его улыбки у нее едва не растаяло сердце. – «Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и – кто знает – может быть, чего-то большего?»

– Боже мой, как напыщенно и убого, – сказала она.

– Вовсе нет. По крайней мере, мое внимание оно привлекло. Поэтому-то мы здесь. И мне уже хорошо. А вам?

– Мне *очень* хорошо.

Они чокнулись.

Он сделал глоток.

– Знаете, я позволил себе небольшую дерзость. Мне сказали, здесь очень хорошее меню, но я подумал, что для нашего первого обеда следует заказать что-то особенное. В одном из имейлов вы упомянули, что любите морепродукты?

– Люблю.

– Отлично. Я позвонил и попросил управляющего приготовить двух лобстеров. А для начала – мне показалось, что мы могли бы чуточку отступить от меню... Как насчет белужьей икры? Вас устроит? Белужья считается лучшей в мире.

Все складывалось настолько ошеломительно, что в какой-то момент Рэд засомневалась – уж не подстава ли? Может, это подстроила Рэкел или кто-то еще из ее друзей? Но им-то зачем? Они бы никогда не позволили себе столь жестокого розыгрыша. Она снова посмотрела на него – его глаза, веселые и живые, улыбались ей. Все настоящее. Конечно, через край, но не поддельное.

– Господи... Вау... Вообще-то я никогда в жизни не пробовала икру... в смысле, настоящую. Только морского воробья, ту, что в банках.

– Для вас – самое лучшее, – повторил он. – Вы – великолепны, вы это знаете?

– Спасибо, но... нет, не знаю.

– Ну так вот, вы – великолепны!

Они снова чокнулись.

Кто этот Адонис? Все было как во сне. За годы после Доминика сколько лягушек она перецеловала! Неужели наконец повезло встретить принца? Она конечно же не могла опьянеть после одного бокала шампанского, но голова определенно шла кругом. В нем было что-то... колдовское. А еще он был очень, очень сексуален.

И все же тревожный звоночек еще звенел.

– Вы так и не рассказали мне в письмах, чем занимаетесь.

Она пожала плечами:

– Работаю секретаршей в одной проектной фирме. А вообще всегда хотела стать агентом по недвижимости.

– У меня есть контакты с несколькими агентами. Если захотите, могу вас с ними связать.

– Спасибо. А вы? Вы что делаете?

– Работал пилотом в «Юнайтед», в Штатах, потом устроился к одному техасскому миллионеру. К сожалению, заболела жена. Рак груди. Приходилось много времени проводить с ней, так что летать я больше не мог. Она из Англии и очень хотела провести последние дни здесь, с родными. Мне удалось пройти переобучение и получить наземную работу – авиадиспетчером в Гатуике.

– Как в фильме «Управляя полетами»?

– Да, только на самом деле там все не так.

Принесли икру. Ее подали в серебряной мисочке, обложенной льдом, с крохотными блинчиками и горкой сметаны. Серебристо-серые икринки были размером с миниатюрные горошинки. Ничего подобного Рэд прежде не видела. Ей они напомнили лягушачью икру.

Брайс показал, как это нужно есть: положил на блин немножко сметаны, на сметану водрузил немножко икры и, взяв блин руками, отправил все в рот.

Она сделала то же самое и попыталась замаскировать первоначальный шок. Ощущение было примерно такое же, как в детстве, когда она простудилась и мать заставляла ее пить рыбий

жир. А потом она почувствовала, как тают на языке шелковистые икринки, и испытала что-то вроде волнительного трепета, осознав, что ест самый знаменитый и дорогой деликатес.

– И как? – спросил он.

– Изумительно!

– Вы – изумительная. – Он вдруг достал из внутреннего кармана колоду карт и развернул их веером, так что ей открылись все до единой карты.

– Ух ты! Впечатляет.

Он повернул карты так, чтобы их видела только она.

– Выберите одну. Любую. Дотроньтесь до нее, но мне не показывайте.

Она дотронулась до дамы червей:

– Готово.

Он тряхнул кистью, и карты сложились с легким шелестом. Снова развернул:

– Видите свою?

Ее карты не было. Рэд нахмурилась и оглядела стол – куда же она запропастилась?

– Нет. Не вижу.

– Откройте сумочку.

Она наклонилась, подняла с пола сумочку, щелкнула застежкой, открыла... И ахнула. Червонная дама лежала между телефоном и тюбиком помады. Рэд взяла ее.

– Вы эту выбрали? – спросил он.

– Невероятно! Как вы это сделали?

Он пожал плечами:

– Фокусы – мое хобби. Я занимаюсь этим ради удовольствия. Слышали о Волшебном замке в Лос-Анджелесе?

Рэд покачала головой.

– Бывали в Лос-Анджелесе?

– Нет.

– Может быть, я свожу вас туда когда-нибудь. Кто знает...

Она усмехнулась:

– В Лос-Анджелес я бы с удовольствием.

– У вас ничего не пропало?

– Вроде бы нет.

Он опустил руку в боковой карман и достал часы. Это был ее «свотч».

– Как? – воскликнула она.

Он передал ей часы, и она надела их на запястье.

– Да, вы меня поразили.

– Вы меня тоже.

Вопреки всем своим принципам – и совету Рэкел, – она все же пригласила его на кофе, когда они вышли из такси и он проводил ее к дому.

Он погладил ее по лицу, перебрал пальцами волосы, взял ее руки в свои и, наклонившись, поцеловал в губы.

– Не сегодня. Сегодня мы выпили немного лишнего. Я хочу, чтобы, когда мы займемся любовью, это было что-то особенное.

Рэд закрыла за собой дверь, прошла по общему коридору, мимо прикованного цепочкой велосипеда, поднялась по лестнице и, только войдя в свою квартиру на третьем этаже современного дома у реки Адэр, с видом на Шорэмский порт, заметила на правом запястье браслет.

Тонкий серебряный браслет опоясывал руку удобно и изящно. Незаметно такой не наденешь. Когда же он успел это сделать? Наверное, перед самым расставанием, когда взял ее за руки?

И еще больше сбивало с толку отсутствие застёжки. Браслет был цельный. Рэд внимательно его осмотрела, потянула, но так и не обнаружила никакого соединения. Присмотревшись, она обнаружила аккуратную гравировку: *дама червей*. И символ – сердечко.

Телефон пискнул, оповещая о поступившем сообщении. Рэд достала его и посмотрела на дисплей.

Если захочешь снять, придется подождать до следующего свидания.

Она набрала короткое XXX.

И почти сразу же получила ответ: XXX.

20

Пятница, 25 октября

Рэд сидела у крохотной стойки, с покрасневшими после бессонной ночи глазами. Болела грудь – слишком много сигарет выкурила. В квартире все перевернуто – обычное состояние. Под телевизором и стереосистемой валялись диски, CD и DVD. Надо бы прибраться, но в данный момент она даже и не думала об этом.

На экране ноутбука висела первая страница «Аргуса» с броским заголовком: **Брайтонский ресторан уничтожен огнем**. Ниже красовалась фотография «Куба Либре» в окружении пожарных машин, с закопченным красивым серым фасадом. На часах было 8.20 утра. В ожидании выпуска новостей Рэд смотрела телевизор, без аппетита отправляя в рот ложку за ложкой овсянку и запивая ее кофе. За окном лил дождь, отчего гнетущий вид с пожарной лестницей напротив казался еще более гнетущим.

Самоубийство? Нет, невозможно. *Невозможно*. Они просто ошиблись. Что бы ни случилось с Карлом, он не убивал себя. Он не мог этого сделать.

Рэд чувствовала себя ужасно. Октябрь всегда был самым суровым, самым тяжелым месяцем года, преддверием наступающей долгой зимы. А еще ее ожидал паршивый, безрадостный уик-энд. Карл предлагал поехать на выходные в какой-то отель в Нью-Форесте. Теперь об этом можно забыть. Разве что он каким-то чудом выйдет на связь.

Если же нет, то ее ожидал ланч с родителями. Одинокая бедняжка Рэд, ее успешная старшая сестра, счастливая в браке и беременная.

Она чувствовала себя неудачницей, «хромой уткой» в семье. В отличие от Марго, которая не только удачно вышла замуж за благополучного управляющего одного из лондонских хедж-фондов, но и сделала головокружительную карьеру в юридической фирме в Сити.

А еще надо составить описание безобразного домишки, в который нормального человека и пряником не заманишь. И жить дальше, прячась от своего бывшего.

Мог ли Брайс иметь какое-то отношение к смерти Карла?

Конечно нет. Что за нелепость! Она посмотрела на браслет. Тот самый, который Брайс незаметно нацепил ей на руку после их первого свидания в ресторане «Куба Либре». Рэд вспомнила, как на втором свидании, когда она сказала, что не может снять браслет, и спросила, как ему удалось это сделать, он с усмешкой ответил, что фокусник никогда не выдает своих секретов. И пообещал снять браслет, когда она не будет больше его.

Тонкая потускневшая полоска так давно была на руке, что она уже перестала замечать ее присутствие. Но теперь присмотрелась. За последние беспокойные месяцы она потеряла больше стоуна, и браслет на запястье висел свободнее. Но не настолько свободно, чтобы снять. Несколько раз она порывалась обратиться к ювелиру и попросить срезать украшение, но что-то удерживало ее от такого шага. Страх?

Страх перед тем, что если Брайс увидит ее на улице без браслета, то заведется еще сильнее?

Услышав прозвучавшее в новостях «поле для гольфа», Рэд мгновенно посмотрела на экран. Несколько полицейских машин перед лесистым участком. Оградительная лента. Люди в синих защитных комбинезонах. Большой экран. Репортер с микрофоном в руке и мокрыми, спутанными волосами говорил: «Суссекская полиция до сих пор не дала информации относительно личности мужчины, обгоревшее тело которого обнаружено вчера в канаве, неподалеку от третьей лунки гольф-клуба «Хейуордс-Хит».

Грудь сдавило так, что стало трудно дышать. Неужели Карл? Господи! Она схватила телефон и набрала рабочий номер Рэкел, но попала на автоответчик. Конечно, там же никого нет. Она позвонила на сотовый. На отправленные накануне эсэмэски подруга так и не ответила.

– Извини, что звоню так рано. Пожалуйста, скажи мне, Карл Мерфи был в офисе? Я имею в виду, вчера?

– Извини, что не ответила вчера. Мы ходили на обед. – Голос Рэкел звучал как-то странно. – И нет, его не было.

– Я, может быть, схожу с ума... но... думаю, с ним что-то случилось. Ко мне вчера приходили из полиции... насчет тела...

– Ни с какого ума ты не сходишь. Похоже, так оно и есть.

– Что? Почему ты так говоришь?

– Мне сегодня пришлось выйти раньше – по просьбе полиции. Им потребовалась зубная карта Карла.

На экране место действия переместилось в конференц-зал. Синее индикаторное табло с веб-адресом www.sussex.police.co.uk, артдисплей с пятью полицейскими значками на синем фоне и номер «Криминального дозора» внизу. Стройный, очень серьезный мужчина в костюме, с короткими, уложенными гелем волосами и голубыми глазами. Пока он говорил, внизу экрана бежала «быстрая строка»: *Детектив-суперинтендент Рой Грейс, отдел тяжких преступлений...*

– Мы надеемся провести официальное опознание в течение сегодняшнего дня. Однако на данной стадии результаты вскрытия не имеют решающего значения. Я обращаюсь ко всем, кто находился поблизости от гольф-клуба «Хейуордс-Хит» от полудня среды до девяти утра четверга и видел что-либо подозрительное или заметил припаркованный в неположенном месте автомобиль, позвонить в полицию или «Криминальный дозор» по следующим номерам...

21

Пятница, 25 октября

У Брайса Лорена были включены все телевизоры и все мониторы. Всего шесть штук. На одном шли утренние новости, но его больше интересовал другой. Рэд Уэствуд разговаривала по телефону со своей лучшей подругой Рэкел.

Они с Рэд обедали с Рэкел и ее мужем Полом, местным врачом общей практики, ходили с ними в кино и театр и даже провели как-то вместе целый уик-энд в Бате. Никакой особой симпатии они к нему не питали, но и ничего плохого ему не сделали. В отличие от родителей Рэд. Особенно этой стервы, ее мамы.

Зубная карта.

Теперь уже недолго.

А потом и она узнает, что это только начало.

22

Пятница, 25 октября

Поспать толком не получилось. Вечерний покер он закончил с минусом – двести пятьдесят фунтов, один из крупнейших проигрышей за все время. Засыпалось после покерных вечеров почти всегда плохо, но последний оказался хуже других. Беспокоил не только проигрыш – годы уравнивают баланс, и атмосфера товарищества таких вечеров значила для него больше, чем сама игра. Покоя не давала предсмертная записка – что-то в ней было не так.

В половине девятого утра пятницы Рой Грейс сидел за столом с уже вторым ультракрепким кофе, просматривая ночные сериалы – журнал происшествий, – самым значительным из которых был пожар в ресторане «Куба Либре». Ресторана было жаль – они с Клио провели там несколько отличных вечеров.

Но мысли снова и снова возвращались к записке самоубийцы, которую Грейс сфотографировал на свой айфон.

Мне так жаль. Мое завещание находится у солиситора Мод Опфер из «Опфер Декстер ассошиэйтс». Жизнь после смерти Ингрид потеряла смысл. Хочу снова с ней соединиться. Пожалуйста, передайте Дейну и Бену, что я люблю их и всегда буду любить, а еще скажите, что папа ушел, чтобы заботиться о маме. Люблю вас обоих. Когда-нибудь, повзрослев, вы, может быть, сможете простить меня. ХХ.

Было в этом что-то очень клиническое. Некая тщательная продуманность. Совместима ли эта продуманность с состоянием человека, облившего себя бензином? И кто станет выбирать столь ужасную смерть, если только он не выступает с неким заявлением, политическим или религиозным? Семейный доктор, такой как Карл Мерфи, должен быть в состоянии полного помешательства, чтобы сотворить с собой такое. А если он был в этом состоянии, то как мог написать лаконичный, связный текст?

Рой Грейс снял трубку, позвонил детективу-сержанту Норману Поттингу, одному из самых опытных членов следственной группы отдела тяжких преступлений, и дал ему задание: получить образец почерка доктора у его секретаря; найти графолога и попросить его проанализировать и образец, и записку с целью убедиться, что они написаны одним и тем же человеком.

Грейс посмотрел на часы. До прихода финансового следователя Эмили Гейлор – с ней он работал по некоторым неясным пунктам операции «Камбала» – оставалось несколько минут. Клио, когда он уходил рано утром, еще спала. Странное дело. Он всегда любил свою работу и ставил ее превыше всего, но теперь, став отцом, переживал из-за того, что работа отрывала его от сына. Надо позвонить Клио и узнать, как там Ной.

Она сняла трубку после третьего звонка.

– Привет, дорогой. – Судя по тону, ее что-то отвлекало.

– Ты в порядке?

– Кормлю Ноя. Как закончилась игра?

– Не спрашивай. Но еда ребятам понравилась – все просили сказать тебе спасибо.

– Они такие милые.

– Так и есть.

Клио вдруг вскрикнула:

– У-у-у!

– Что случилось?

– Ной так присосался, что даже больно!

– Кто же знал, как трудно быть родителем. Хотел бы я помочь...

– Попробуй отрастить себе груди!

– Ладно, буду принимать гормональные таблетки.

Она снова вскрикнула, еще громче:

– Черт! – И тут же добавила: – Знаешь, что самое странное?

– Вот ты мне и скажи.

– Может, прозвучит чудно, но когда я смотрела на Ноя ночью, то вдруг подумала, что когда-нибудь ты, может быть, будешь возить меня как согбенную старушку в инвалидном кресле.

– Надеюсь, это не случится в ближайшие годы.

– Ты прав, дорогой, нас никто не предупредил, как трудно быть родителем.

– Верно, но однажды Ной поймет, что ему крупно повезло в жизни. У него лучшая в мире мать. Ты только напомни ему об этом, когда он в следующий раз тебя укусит.

– У-у-у! – снова вскрикнула Клио. – Как же больно!

В дверь постучали.

– Мне пора. – Грейс послал по телефону поцелуй и, улыбаясь, положил трубку. Его вдруг окатила теплая волна любви к Клио и сыну. Но взгляд уже упал на предсмертную записку. Здесь было над чем подумать. – Войдите!

23

Пятница, 25 октября

В перечне того общего, что объединяло Гленна Брэнсона с Роем Грейсом, на одном из первых мест стояла нелюбовь к присутствию на вскрытии. Хотя центром современного расследования убийства по-прежнему остается место преступления, именно морг – и патоморфологическая лаборатория – во многих отношениях играет едва ли не решающую роль.

Но в половине девятого холодного и дождливого октябрьского утра городской морг, с его выложенными серой плиткой стенами и безжалостно ярким верхним светом, являл собой место, превзойти которое по степени депрессивности смогли бы немногие.

Облаченный в зеленый халат детектив-инспектор чувствовал себя явно не в своей тарелке, вдыхая тошнотворно-сладковатый, с привкусом бензина запах жареной свинины, исходивший от обуглившегося трупа на стальном столе посередине большого из двух помещений, разделенных квадратным арочным переходом. Запах этот почти полностью перебивал другое, более привычное и уже ассоциирующееся с этим учреждением зловоние, распространяемое дезинфектантами.

Слева от него, в соседней комнате, лежали на таких же столах три человека постарше – нагие, с кожаными бирками на пальцах ног. Подготовкой их занимался Даррен, ассистент Клио, заменявший ее на время декретного отпуска.

Свод черепа у каждого из троих был срезан ленточной пилой, скальп оттянут к лицу, мозг обнажен. Завернутая кожа живота покоилась на лобковой кости – последняя попытка защитить срам, – открывая желтоватые внутренние ткани и скрученные кишки. Вся троица ожидала прибытия местного дежурного патологоанатома, которому предстояло провести куда менее тщательное вскрытие, чем то, которое требовалось обугленной жертве, чьи руки словно застыли в последнем воинственном жесте.

Гленну почему-то вспомнилось прошлое вскрытие вскоре после того, как он разошелся с Эри, и почувствовал себя хуже некуда, Рой Грейс шепнул ему на ухо: «Как бы хреново ни было, уик-энд у тебя будет получше, чем у любого из тех, кто останется здесь на ночь».

Он усмехнулся, что случалось нечасто после смерти жены, и уже через пару секунд полностью сосредоточился на происходящем.

Едва успев умереть, каждый становится достоянием местного коронера, который и решает, требуется вскрытие или же нет. Главный критерий здесь – умер ли человек вследствие болезни, находясь под наблюдением врача, или его смерть нуждается в объяснении. Если причина очевидна – периодические проблемы с сердцем или рак, вскрытие не проводится. Но если смерть была внезапной, наступила вследствие неведомых причин или несчастного случая – падения с лестницы или автомобильной аварии, – коронер назначает вскрытие, чтобы исключить или установить факт преступления.

В данном случае перед патологоанатомом стояла несколько иная задача: подтвердить, была ли смерть жертвы само убийством, на что указывали улики, или имело место нечто более зловещее.

Министерство внутренних дел имело в своем распоряжении тридцать патологоанатомов, специализирующихся на криминальных случаях и получающих за свою работу хорошие деньги. Одним из них и был доктор Фрейзер Теобальд, также одетый в зеленый халат. В данный момент он, пользуясь хирургическими щипцами, вынул что-то, показавшееся Брэнсону человеческим легким.

– Интересно, – сказал доктор и продиктовал что-то специфическое, обращаясь к небольшому устройству, которое держал в левой руке. Брэнсон ничего не понял.

На дальней стене, рядом с автоматическими весами, висела таблица с указанием имени умершего и колонками, в которые заносились вес мозга, легких, сердца, печени, почек и селезенки. Пока что заполнены были только две колонки – «неизв. муж.» (вместо имени) и «7,5» (вес мозга).

Кроме Гленна Брэнсона, Даррена и его помощника, в морге находились Джеймс Гартрел, фотограф-криминалист, работавший сейчас около тела, и Филип Ки из офиса coronera. В зеленом халате, со спущенной под подбородок маской, он с озабоченным видом наговаривал что-то на диктофон.

– Думаю, вам всем надо это увидеть, – сказал Фрейзер Теобальд. – Может быть важно.

Все трое – Брэнсон, Гартрел и Ки – подошли ближе. Инспектор всеми силами старался не смотреть на частично обугленный мозг в открытой черепной коробке, но взгляд постоянно уходил в эту сторону.

– Левое легкое, – продолжал Теобальд. – Если наш клиент поджег себя сам, он должен был бы вдохнуть как огонь, так и дым. В грудной клетке и легких наличествуют причиненные огнем и дымом повреждения.

– И что это значит, доктор Теобальд? – спросил Гленн. – Хотите сказать, это соответствует тому, что и должно быть, если у нас самоподжог?

Доктор посмотрел на детектива. Лицо его закрывала маска, оставлявшая открытыми только пару пронзительных орехово-карих глаз.

– Именно так, да. Все это указывает на самоубийство.

– Но зачем делать это в канаве, в нескольких сотнях ярдов от машины? – спросил Брэнсон.

Теобальд пожал плечами.

– Кто знает, что происходит в голове человека, решившего свести счеты с жизнью? Строить предположения – не моя задача. Могу лишь сказать, что внешне на преступление ничто не указывает, по крайней мере на данной стадии. Но мне нужно более детально осмотреть тело и провести анализ крови.

Гленн Брэнсон вышел из прозекторской и позвонил Рою Грейсу. Странно, но его босс и друг вовсе не обрадовался, а ответил сухо и сдержанно, как будто все еще в чем-то сомневался.

24

Пятница, 25 октября

Доктору Джудит Биддлстоун – ее Рэд рекомендовали в брайтонской благотворительной организации, оказывающей помощь жертвам домашнего насилия, – было далеко за сорок. Прежде чем стать психологом-консультантом, она успела поработать инструктором в государственной службе здравоохранения. Теперь у доктора Биддлстоун был свой кабинет в подвальном помещении дома, расположенного в модном брайтонском квартале Норт-Лейн. Из-за горящих свечей здесь пахло, как в каком-нибудь храме, подумала Рэд. Сухопарая, по-спортивному подтянутая, с короткими подкрашенными волосами и живым веснушчатым лицом, доктор была в джинсах и тонкой черной футболке, несмотря на прохладный осенний день.

Рэд прикатила в Норт-Лейн на своем втором, *дерьмовом*, велике, уйдя с работы позже, чем планировала. Пара, которой она накануне показывала дом на Портленд-авеню, нагрянула в офис без предупреждения, запаниковав оттого, что уик-энд уже на носу и объект может уйти на сторону. Они хотели подписать предварительный договор, а Рэд не хотела упустить шанс оформить первую удачную сделку.

И вот теперь, в 18.35 пятничного вечера, на полчаса позже назначенного времени, они сидели друг против друга на бобовых пуфах, потягивая мятный чай под строгим взглядом малинового Будды, наблюдающего за ними с каминной полки. Это был их шестой сеанс.

Рэд начала с того, что рассказала о докторе Карле Мерфи, а закончила со вздохом:

– И я спрашиваю себя, нет ли во всем моей вины.

– Почему вы так думаете? – В голосе Джудит Биддлстоун чувствовался легкий акцент уроженки Ньюкасла.

– Не знаю. Я... просто... я кажусь себе такой бесполезной. У меня ничего не получается. Все, что ни делаю, заканчивается паршиво. Может, я сейчас просто не в себе. Сил уже нет.

– Такие тяжелые потери даром не проходят. Расскажите, почему вы чувствуете себя бесполезной.

– Вы, наверное, и сами знаете. У меня ничего не получилось с Брайсом.

– Вы так это видите? – нахмурилась Джудит Биддлстоун. – То есть в том, что у вас не сложилось, виноваты вы, а не он?

– Не знаю. У меня мысли как будто по одному кругу ходят. Но да, иногда я так думаю.

– У нас не очень много времени, и мне хотелось бы, чтобы мы еще раз прошлись по вашим отношениям с Брайсом, – сказала психолог, – потому что в них слишком много пробелов. Давайте вернемся к самому началу. Мне кажется, вы блокируете некоторые важные моменты... нет, не намеренно, но, однако же, постарайтесь вспомнить все, что можете.

Рэд попыталась.

Они переспали через три дня после первого свидания. И это было восхитительно. Любовь всю ночь напролет. Никогда еще у нее не было любовника столь страстного и внимательного. Она получила все и даже больше.

Проснулась в субботу утром – в его объятиях и в его квартире. Они снова занялись любовью. А потом, почти без перерыва, еще.

Уик-энд провели в постели. Заказали сначала пиццу, немного погодя что-то китайское. Смотрели старые фильмы по телевизору, пили шампанское «Редерер Кристалл». Он сказал, что ему нравится ее кожа, ее волосы, зубы, запах, юмор.

Ей нравилось в нем все.

– На следующий уик-энд он увез меня из Брайтона. В роскошный загородный отель. Заехал на своей машине, прекрасном «астон-мартине» с откидным верхом. Позже я узнала,

что автомобиль Брайс взял напрокат. – Рэд закрыла глаза, вспоминая, как сидела на мягкой подушке, вдыхая насыщенный запах кожи, и теплый июньский ветер бил в лицо.

Они спали в роскошном номере с огромной кроватью, подолгу гуляли по песчаному пляжу, ходили на ланч и обедали и бесконечно пили марочное шампанское и дорогое белое вино.

Рэд рассказала психологу обо всем.

– И когда же пошло не так? – спросила Джудит Биддлстоун, когда она закончила.

Рэд пожала плечами:

– Трудно сказать. Наверное, не так пошло еще раньше, чем мы встретились.

Психолог ждала.

– Проблемы у него начались в детстве.

– Какие проблемы?

– Думаю, над ним надругались.

– Почему вы так думаете?

– Он проговорился пару раз. Это и навело меня на мысль...

– Что именно он сказал?

– В общем-то не так уж много. Иногда, когда злился, вспоминал свою мать, называл ее дрянью. Брайс не терпит, когда курят, и я старалась не попадаться ему на глаза с сигаретой. Но однажды попалась, и он сказал, что я такая же, как его долбаная мамаша. Только говорить о ней все равно не захотел. Я пыталась... ждала, что он раскроется, но он только сердился каждый раз. Сильно сердился. И я перестала расспрашивать.

– Итак, когда вы спрашивали его о детстве, он сразу же начинал сердиться. Вы это хотите сказать?

– Да.

– И по-вашему, причина в том, что в детстве он подвергся насилию?

– Такое ведь случается? Дети, подвергшиеся насилию, сами, вырастая, становятся насильниками.

– Бывает и так, но вопрос не столь прост. Связь более сложная, чем просто причинно-следственная. Мне интересно, что вы вывели из поведения Брайса именно такое заключение. Как думаете почему?

– Он помешан на контроле. И на аккуратности – всегда все поправляет. – Она невесело усмехнулась. – Птичка испачкала машину – и он уже в бешенстве. Будет мыть, полировать, опять мыть – всю машину. А если учесть, что он живет у моря, где всегда чайки, такое случается постоянно.

– Вас это тоже касалось?

– Да. Чувство было такое, будто ходишь по яичной скорлупе. Все время стараешься не сделать что-то, что могло бы его завести.

– И вы решили, что он такой из-за случившегося с ним в детстве?

– Помню, он как-то сказал, что я поняла бы его лучше, если бы знала, что сделали с ним родители.

– Хотите рассказать?

– Брайс все время говорил, что я никудышная. Не умею готовить, плохая любовница. Что заниматься со мной любовью то же самое, что трахать дохлую рыбину. И я ему верила; наверное, до сих пор считаю себя ни на что не годной. Я потеряла к себе всякое уважение. Но потом, унизив меня, даже ударив, он начинал плакать, просить прощения, обещал исправиться. В один из таких моментов, моля о прощении, Брайс и сказал, что я поняла бы его лучше, если бы знала, что сделали с ним его родители.

– Он объяснил, что имел в виду?

– Нет, он никогда не говорил об этом. Я решила, что, должно быть, случилось нечто очень плохое.

– Вы сами говорили, что много раз, в поздний период ваших отношений, звонили в полицию. Так?

– Да. Один полицейский, молодой констебль из патрульной службы... Спюффорд... Боб Спюффорд... Он был особенно добр ко мне. У него в детстве случилась похожая ситуация, его отец измывался над матерью. Это он помог мне связаться с «Проектом «Убежище». И он постоянно убеждал меня порвать с Брайсом.

– Можете объяснить, почему вы тогда не воспользовались советом констебля Спюффорда и не оставили Брайса?

Рэд пожала плечами:

– Не знаю. Может, Брайс меня запугал. А потом он всегда так раскаивался. Наверное, я думала, что могу ему помочь.

– Ага. Иначе говоря, вы сохраняли отношения с Брайсом из-за того, что случилось с ним в детстве?

– Глупо, да?

– Ну зачем же быть к себе такой строгой.

– Я ничему не научилась, да? Думала, что смогу его спасти. Думала, что, если смогу помочь ему открыться, он станет добрее ко мне. Но чем настойчивее я пыталась разговорить его, тем сильнее он злился.

– Вы не жалеете себя, но жалеете Брайса, пострадавшего, как вы полагаете, в детстве.

– Вот видите, даже с этим ничего не могу поделать.

– Это Брайс вам внушил? Что вы делаете все не так?

– Он постоянно это твердил. А я жутко злилась, просто с ума сходила. Старалась делать все как надо, но только еще больше портила. Я бы, наверно, почти все сделала, чтобы он только стал ко мне добрее.

– И мирились почти со всем в надежде на будущее?

– Я много думала об этом, – вздохнула Рэд. – Вы не представляете, как он умел перевоплощаться. Человек, который только что ненавидел вас и поносил, вдруг становился мягким и любящим. Ему ничего не стоило повернуть так, что я сама считала себя виновницей ссоры, что все произошло из-за моего несоответствия.

– *Вашего* несоответствия?

Рэд рассмеялась:

– Да. У меня был целый список этих несоответствий. Хотите послушать?

– Думаю, оставшееся сегодня время можно потратить с большей пользой, чем подкреплять искаженное восприятие Брайсом действительности. У меня есть копия отчета, посланного констеблем Спюффордом в «Проект «Убежище» и хранящегося в вашем досье. Вы видели его? Отчет шел как приложение к обсуждению вашего случая на собрании МКОР.

– МКОР?

– Да. Собрание проводится каждые две недели с присутствием представителей полиции, благотворительных организаций, министерства здравоохранения, министерства образования и различных медицинских и социальных служб. Рассматриваются дела тех, кто подвергается риску домашнего насилия. Межведомственная конференция по оценке рисков. МКОР. – Джу-дит Биддлстоун открыла красную пластиковую папку и достала несколько подшитых страниц. – Вы сами дали мне разрешение на получение этого отчета. Приведу небольшую выдержку. Вот что он пишет: «Я чрезвычайно обеспокоен ситуацией с мисс Рэд Уэствуд. Считаю, что отношения, в которых она состоит, носят жестокий, оскорбительный для нее характер и угрожают ее будущей безопасности и благосостоянию и что полиции Суссекса необходимо принять меры. Я вижу боль в ее глазах. Ей страшно».

Рэд моргнула, сдерживая слезы. Кивнула.

– Да, – едва слышно прошептала она. – Мне было страшно. Я не видела будущего. Не видела возможности другой жизни. Я... вы знаете... С Карлом мне показалось, что какое-то счастье все-таки возможно.

Психолог протянула салфетку, и Рэд вытерла глаза. Всклипнула. Шмыгнула носом.

– Черт. Да что с ним не так, с Брайсом? Вроде бы все при нем – шарм, харизма, талант, – но есть что-то... не знаю, может быть, прозвучит странно, но я бы назвала это ген неудачника, если такое вообще существует.

– Что именно вы имеете в виду под геном неудачника?

– Думаю... Тут ведь вот в чем дело. Он очень талантливый. Замечательный художник. По-настоящему хорошо рисует. Прекрасный карикатурист. Он пытался опубликовать свои работы – в газетах, журналах, но ничего не получилось. Пару лет назад почти удалось – «Прайвит ай» согласился взять его карикатуру, но только с небольшим изменением. И он отказался. Послал их куда подальше. Я пробовала повлиять, убеждала согласиться, пойти на уступку – в общем-то то изменение, которого они хотели, оно ничего не меняло, зато у него появлялся бы шанс пойти дальше. Но он этот шанс упустил да еще и на меня накричал, сказал, что я ничего не понимаю, что его искусство целостно и никаким изменениям не подлежит. Он так разъярился, буквально вышел из себя. Плеснул мне в лицо вином, ударил – просто спятил. Я даже думала, честно, что он меня убьет.

– Ох...

– Я попыталась убежать из квартиры. У меня началась самая настоящая истерика. Он не пускал. Схватил и держал – он очень сильный, постоянно качается. Я заперлась в туалете и позвонила в полицию. Он расплакался, стал жаловаться, что его никто никогда не любил и не понимал. Умолял простить.

– Это все только ваши воспоминания, Рэд. Теперь вы в безопасности.

– Да, только я и сейчас чувствую все так остро, словно это вот-вот повторится.

– Знаю. Но теперь все в прошлом. Все закончилось. Вы же это осознаете, да? Расскажите, как все кончилось.

– Приехала полиция. Констебль Споффорд и одна женщина. Разговаривал с ними Брайс. Сказал, что ничего серьезного, обычное недоразумение. Они спросили, подтверждаю ли я это и хочу ли, чтобы он остался. И я подтвердила – да, недоразумение, и да, я хочу, чтобы он остался.

– Понятно. Ослушаться Брайса было бы неблагоразумно, да?

Рэд ответила не сразу.

– Знаете, я сама толком не разобралась. Все перепуталось. – Она пожала плечами. – Я думала, что, может быть, ему недостает только любви. Что если я буду любить его, то смогу как-то изменить.

– Знаете, что говорят, когда двое влюбляются?

– Нет.

– Женщина всегда надеется, что сумеет его изменить. А мужчина всегда надеется, что она навечно такой и останется.

Рэд слабо улыбнулась.

– Поэтому все браки заканчиваются разочарованием?

– Не все. Но многие. – Психолог тоже улыбнулась. – Итак, ген неудачника – это, не дающее Брайсу идти вперед?

– Это у него огромное, тут никаких сомнений быть не может. А еще он хороший фокусник и не раз говорил мне, что когда-нибудь прославится по-настоящему, затмит и Дэвида Копперфилда, и Зигфрида с Роем. Причем Брайс и сам в это верил. Когда мы только познакомились, он давал по несколько представлений в неделю, но потом их становилось все меньше и меньше – думаю, из-за того, что он терпеть не мог, если кто-то не обращал на него должного

внимания, а еще срывался, если трюк не срабатывал. И еще он был просто одержим Гудини. Все твердил, что он лучше Гудини. Иногда заставлял меня связывать его и надевать наручники, а потом освобождался от них за несколько минут.

– Заставлял вас связывать его? А вы не хотели?

– Мне это не нравится.

– То есть дело не просто в эскейпологии? Скажите, а всегда ли только вы его связывали, или он тоже связывал вас?

– По большей части связывал он, и меня это сильно пугало. Брайс всегда и все доводил до предела, когда мне начинало казаться, что я уже по-настоящему задыхаюсь.

– Дышите, Рэд, дышите. Сейчас вы в безопасности.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы успокоиться и прийти в себя.

– Мне и сейчас бывает страшно, когда я думаю обо всем, что он со мной делал.

– Знаю. Вы дышите – это помогает.

Рэд сделала пару глубоких вдохов и рассмеялась:

– Как глупо. Я просто вспомнила, а ощущение такое, словно задыхаюсь... как тогда. Надо же!

– Ничего глупого в этом нет.

– Я любила его. Правда. Была от него без ума. Какое-то время даже считала, что его послала мне судьба, что мы созданы друг для друга. Он частенько говорил, что мы уже встречались в другой, предыдущей жизни и я – по глупости или наивности, считайте как хотите, – верила ему.

– Это не глупость и не наивность. Люди, когда встречаются и влюбляются, именно так себя и чувствуют. Между ними существует невероятно сильная связь. У вас с Брайсом тоже так было?

– Да, так. Я думала, что встретила мужчину, с которым у меня будут дети, с которым я проживу до самого конца. И надо же, вот такой облом.

– Вы слишком строги к себе. Давайте говорить о том, что вы эти отношения прекратили. И к этому факту никакие *глупо* не применимы. Что послужило поворотным пунктом?

– Главную роль сыграла моя мать. Я, кажется, говорила, что она помогает заключенным и работала консультантом по лайф-коучингу?⁵

– Да, говорили.

– Моя мать ужасно меня раздражала. Постоянно твердила, что он ей не нравится, что она ему не доверяет. Знаете, что я думала?

Психолог покачала головой.

– Наверное, вам покажется странным, но я думала, что она, может быть, ревнует.

– Вы думали, что ваша мать ревнует к вашему бойфренду? Ну, знаете, это довольно необычно.

Рэд пожала плечами:

– Моя мать уже давно, несколько лет назад, призналась, что в их с отцом отношениях огонек погас. Мы с ней всегда были очень близки и говорили в том числе и о таких вещах. Тогда, в самом начале нашего знакомства, Брайс казался мне идеалом, был таким заботливым, внимательным. Вот я и подумала, что у нее, может быть, всколыхнулись какие-то воспоминания.

– Значит, ее предупреждений насчет Брайса вы не слушали?

⁵ Лайф-коучинг – система профессиональных взаимоотношений между специалистом по персональному росту (коучем) и клиентом, выражающаяся в поддержке и сопровождении человека до получения им необходимого результата в соответствии с его запросом.

– Даже не знаю. Я была без ума от него. Готова целовать землю, по которой он ходит. Он мог быть добрый, веселый и невероятно сексуальный в постели. Мне ни с кем не было так хорошо. Только потом, когда мы съехались и стали жить вместе, я начала понимать, что Брайс помешан на контроле. Поначалу шло нормально; он брал меня за покупки, решал, что мне лучше носить, платил за все. Конечно, мне это льстило. Потом стал требовать отчета чуть ли не за каждую минуту. Где я была, что делала. Если встречалась с друзьями, он желал знать, что я пила, что ела, кто платил.

– Вот сейчас, рассказывая мне об этом, что думаете?

– Думаю, с моей стороны было большой глупостью прожить с ним так долго.

– Заметьте, Рэд, вы говорите, что Брайс был жестоким, контролировал вас, потому что подвергся насилию в детстве, и тут же вините себя за то, что прожили с ним так долго. И в первом, и во втором случае вы снимаете ответственность с Брайса и возлагаете ее в значительной степени на себя.

– Потому что отчасти так оно и есть.

– Знаете, мне еще не приходилось встречать женщину, которая, став жертвой надругательства, не считала бы, что отчасти сама виновата в случившемся. Думаете, они действительно во всем виноваты?

– Конечно нет!

– Так чем вы отличаетесь от других?

– Что не все в порядке, я знала еще до того, как Брайс стал распускать руки. Однажды утром, когда мне нужно было на работу, забрал всю мою обувь и не отдавал, пока я не поклялась ему в вечной любви.

– И как вы к этому отнеслись?

– Разозлилась, конечно, и в то же время, знаете, мне это польстило! Приятно же думать, что тебя так вот сильно любят. Наверное, меня можно назвать наивной. Но дальше все покатилося под гору. Только хуже и хуже. Поворотным пунктом стало решение матери – я узнала об этом позже – нанять частного детектива, который заглянул бы в прошлое Брайса. Мне Брайс говорил, что работает авиадиспетчером в аэропорту Гатуик. Мама показала отчет детектива, согласно которому никаким авиадиспетчером он никогда не работал. В Гатуике Брайс какое-то время числился в пожарной команде, но его выставили из-за того, что он подверг опасности жизнь коллеги, а потом ударил своего начальника. Из Штатов его депортировали после драки с предыдущей подружкой. Брайс утверждал, что был там пилотом, но на самом деле лицензии пилота никогда не имел.

Психолог украдкой взглянула на часы:

– У нас осталось лишь несколько минут, и обсудить все, что вы здесь рассказали, мы уже не успеем. Давайте сделаем паузу и продолжим на следующем сеансе, хорошо?

– Конечно.

Последние пару минут своего времени доктор Биддлстоун потратила на то, чтобы убедиться, что ее клиентка в состоянии добраться домой.

– До понедельника, Рэд.

– В половине девятого утра?

– В половине девятого утра.

Брайс, внимательно слушавший весь разговор, сделал пометку в электронном дневнике – подключиться и послушать.

25

Пятница, 25 октября

Сегодня у него был день больших покупок, и список получился действительно внушительный. Список необходимого для осуществления всех его планов. Много, конечно, можно было бы приобрести через Интернет, но такие покупки легко отслеживаются. Уж лучше проехать по магазинам, расплачиваясь наличными. Спасибо дорогой маме, умершей гораздо раньше, чем она сама – или он – ожидала.

А оставила она немало. Целых семьсот пятьдесят тысяч фунтов чистыми – после того, как это жулье, агенты по недвижимости, получили свои комиссионные, а вороватый солиситор заграбастал свою жирную долю. И на первых, и на второго у него были свои планы, но это потом, позже.

Первый заход – магазин скобяных товаров «Доккерилс» на Черч-роуд, в центре Брайтона. Он выбрал его потому, что там всегда было полно народу и никто не стал бы обращать внимание на мужчину в бейсболке, покупающего клещи, болторезы, дисковую пилу, клейкую ленту и молоточки.

Следующим пунктом, куда он отправился на арендованном фургоне, был магазин-склад электротоваров рядом с Дэвидгор-роуд в Хоуве. Здесь были приобретены несколько таймеров, преимущественно с радиусом действия в тысячу и более метров, четыре цифровых реле и тысяча метров нихромового провода. Третья остановка – «Эр-Эф-солюшнс» на Клифф-индастриал-истейт, за Льюисом, где корзину пополнили набор реле и переключателей. Потом – поездка в «Лансинг бизнес парк» за тремя автомобильными аккумуляторами, из которых можно получить серную кислоту, и специальными клеящими лентами. На обратном пути он прикупил в газетном киоске пальчиковых батареек – как AA, так и AAA.

Возвращаясь в Брайтон, он взял бургер в придорожном мобильном буфете, где его тоже вряд ли могли запомнить. Шопинг возбуждает аппетит.

Перекусив, он заскочил в садово-огородный центр в паре миль от дороги и прихватил несколько пакетов хлората натрия, используемого для уничтожения растительности.

Натянув бейсболку пониже, он отправился в аэропорт Гатуик и заехал на долговременную автостоянку, не забыв взять талончик у автоматических ворот. Следуя указателям, сделал несколько кругов. Мимо проехал и остановился неподалеку автобус, приняв десяток человек с багажом.

Счастливого пути, подумал он, с грустью наблюдая за парочкой, успевшей, прежде чем подняться, обменяться поцелуем. А ведь на их месте могли быть и они с Рэд. Отправились бы в какой-нибудь солнечный рай. Может быть, на Мальдивы.

Загрузился в автобус и бизнесмен в костюме и с дорожной сумкой, дополненной чехлом для одежды.

Удачной поездки! И возвращайся с закрытой сделкой!

Он занял свободное место, выключил двигатель и приготовился ждать. Камера видеонаблюдения была только одна, на некотором удалении. Ожидание затягивалось, и уже начало смеркаться. Погода портилась, и с потемневшего, тяжелого неба пролился дождик. Отлично! Кто-то проехал мимо на новеньком «Ягуаре XF», не представлявшем для него ни малейшего интереса. Потом прикатила «Мазда MX-5». Тоже не то. «Порше-кайен». Снова мимо. «Форд-фокус». Слишком свежая модель. И тут же небольшой «лексус»-седан. Надо постарше.

И тут – бинго!

Десятилетней давности БМВ пятой серии. И надо же – припарковался практически напротив.

Так тому и быть!

Из машины вышла пожилая парочка в летних одеждах, выглядевших нелепыми на фоне дождливой осенней погоды. На мужчине была панама, на женщине-толстухе – что-то вроде цветочного вигвама. Мужчина взял кейс с заднего сиденья, его спутница – солидных размеров сумочку. Потом он открыл заднюю дверцу, вытащил два громадных чемодана на колесиках, запер машину, и они направились к ближайшей автобусной стоянке.

Может быть, и они были когда-то молодыми и красивыми, подумал он. Как они с Рэд. Через десять минут пара поднялась в автобус.

Хорошего отдыха, недоумки безобразные!

Дождавшись, пока стемнеет, он вышел из машины, натянул поверх бейсболки, почти на самые глаза, капюшон и прихватил с заднего сиденья нужные инструменты. Учítывая, как вырядилась эта парочка клоунов и какой у них багаж, отбыли они надолго. Так что времени у него хоть залейся.

Одним ударом молотка он разбил боковое окно БМВ, просунул руку и повернул ручку. Завизжала сигнализация. Он нырнул внутрь, дернул ручку, поднял капот и быстренько перерезал нужные провода. Сигнализация умолкла. Он настороженно и нервно огляделся. Нет, охранники и не думали поспешить на сигнал. Не считая пустого автобуса, нарезающего свои круги с монотонностью ищущего подружку робота, на парковке никого не было.

Он закрепил на руле фиксирующий диск, который украл из пожарного депо аэропорта. Такой диск применяется пожарными в тех случаях, когда подушка безопасности не сработала и нужно предотвратить ее случайное наполнение. Потом он нырнул под руль и срезал внешнюю защитную перегородку, после чего осторожно, чтобы не тронуть сенсоры, вскрыл саму подушку. Белые соляные кристаллы азид натрия упали в подставленный вовремя пластиковый стакан, который он прихватил на заправочной станции.

Азид натрия – одно из самых ядовитых химических веществ в мире. Действует намного быстрее цианида и для него, в отличие от последнего, яд которого можно нейтрализовать амилнитритом, антидота нет. Не имеющая вкуса жидкость соединяется в крови с гемоглобином – смерть наступает через несколько минут. Плюс ко всему азид натрия практически не выявляется, если только не искать его целенаправленно.

Он еще не знал наверняка, понадобится ли ему эта штучка, но как дополнительный вариант почему бы и нет? Лишних вариантов не бывает.

Ох, крошка, ох, Рэд, не надо было тебе доводить меня до этого. Ох, не надо было.

Не хочется даже думать, что будет, когда ты проглотишь азид натрия. Честно, не хочется. Но раз уж на то пошло, я предпочел бы это, чем видеть, как ты трахаешь доктора Карла Мерфи.

Азид натрия. Не самая приятная смерть. Даже совсем не приятная.

Но есть плюс – милосердно быстрая.

Хотя после всего, что ты мне сделала, хочу ли я, чтобы ты умерла быстро?

Хочешь знать правду, Рэд? Вообще-то я бы предпочел увидеть, как ты мучаешься. Услышать, как ты кричишь, что любишь меня. Как сильно хочешь, чтобы я вернулся. Что ты сделаешь все, лишь бы вернуть меня.

Что ты даже готова проглотить азид натрия ради этого.

И вот тогда я посмотрел бы в твои глаза и сказал: «Извини, Рэд. Противоядия нет». Осталась бы со мной, и тебя ждала бы долгая и счастливая жизнь. Дети. Внуки. Рождество в кругу семьи. Спокойная старость. И все такое.

А теперь у тебя меньше минуты.

Считанные мгновения, чтобы подумать над своими ошибками.

Считанные мгновения, чтобы осознать, как ты сожалеешь обо всем.

Считанные мгновения, чтобы понять, как хорошо все могло бы быть у нас с тобой.

Люди часто говорят, что, мол, так вот и случается. И дерьмо на голову падает. Но, знаешь, это отмазка. Дерьмо падает под собственным весом.

Подумай об этом.

Он прокрутил сообщения к первым эсэмэскам от Рэд. Остановился на одном.

Боже, я так люблю то, что ты со мной делаешь:)))) Думаю о тебе, и меня переполняют нежность и любовь. И мне это нравится! Нет, Я ЭТО ЛЮБЛЮ! Какие божественные чувства. Как бы я хотела, чтобы ты был сейчас рядом, обнимал меня, голую, был во мне.

Прикрывая стаканчик от дождя, он поспешил в фургону, скользнул за руль, поставил стакан в пластиковый пакет и осторожно завязал на прочный узел.

Азид натрия убивает за шестьдесят секунд. Найти его можно только в старых автомобильных подушках безопасности. Там, когда они разворачиваются при столкновении, его нейтрализуют другие вещества.

К тому времени, как пара чудиков вернется из отпуска и обнаружит, что их БМВ взломан, а подушка разрезана, его уже давным-давно не будет.

И азида натрия тоже, возможно, не будет.

Боже, Рэд, я не могу жить без тебя. И видеть тебя с другим тоже не могу. Слишком больно. Я этого не вынесу. Это твои родители во всем виноваты. Тот поэт, Филип Ларкин, все правильно написал: «Тебя ломают мать с отцом, пускай без умысла, но все ж...»

Ох, Рэд, твои тебя точно испортили. По высшему классу.

26

Пятница, 25 октября

Рой Грейс сидел дома, на диване. Рядом с ним лежал предварительный отчет о вскрытии доктора Карла Мерфи, а у ног, вытянувшись на спине и лапами вверх, дремал Хамфри. Глядя, как Клио кормит сына, он параллельно просматривал список приглашенных.

– Ной обедает! – приговаривала Клио, отправляя в крохотный ротик ложечку картофельного пюре. – Привет, Ной, а что ты ешь сегодня? Ням-ням!

Грейс вспомнил, что давно не подкладывал корма Марлону. Золотой рыбке исполнилось одиннадцать лет, но она все так же неутомимо кружила по аквариуму. Каждое утро, спускаясь вниз, Грейс готовился увидеть ее покачивающейся безжизненно на воде и каждый раз с облегчением отмечал, что она все так же активна и все так же печальна. Марлон был его связью с Сэнди, единственной живой ниточкой. Когда-то они вместе выиграли эту рыбку на ярмарке, а недавно, полазав по Интернету, Грейс узнал, что рекорд продолжительности жизни у золотых рыбок – тридцать четыре года.

Ухватив с пластмассового подноса щепотку толченого банана, Ной попытался сунуть ее в рот. Несколько комочков сползли по пальцам, свалились на поднос и соскользнули на коврик; по подбородку растянулась тонкая полоска слюны.

– М-м-м... ням-ням, Ной! – Клио вытерла сыну подбородок.

Иногда Грейс ловил себя на том, что не может отвести от мальчика глаза, почти не веря, что это – их сын, их с Клио творение. В такие моменты, когда лицо Клио светилось любовью и счастьем, его переполняли эмоции и слезы наворачивались на глаза.

Грейс наклонился и почесал Хамфри живот. Черный пес, помесь лабрадора и колли, довольно заворчал, дергая правой задней лапой. Суперинтендент поднял отчет и скользнул взглядом к тому месту, которое сам же обвел красным кружком. В крови Мерфи обнаружили следы антидепрессанта паксил, и патологоанатом отметил в примечании, что существует возможная, но недоказанная связь между препаратом и самоубийствами.

– Не поможешь с ключом, дорогой? – спросила вдруг, повернувшись к нему, Клио.

Открытая на странице с кроссвордом, «Таймс» лежала рядом со списком приглашенных и книжечкой sudoku. Клио занималась в Открытом университете, и, хотя в эти первые, самые трудные месяцы после рождения Ноя сосредоточиться получалось не всегда, она не сдавалась, а чтобы поддерживать мозг в активном состоянии, пристрастилась решать кроссворды и sudoku.

Грейс взглянул на ключ. Четыре по горизонтали, девять букв, отмеченных Клио красным. Ключ из трех слов.

Хандра на экваторе!

Грейс задумался.

– Депрессия? – предположил он.

– Депрессия? – повторила Клио, хмурясь.

– Так называется зона пониженного атмосферного давления, в частности, экваториальная штилевая полоса, где парусные суда часто простаивают без движения неделями.

– А также понижение земной поверхности, да? – Ей тут же пришлось отвлечься, потому что Ной выплюнул банановую мякоть прямо на пол под себя. – Ах ты, Ной! Какой озорник! – Клио снова повернулась к Рою. – Да, депрессия. Подошло. И мне нравится. Думаю, ты прав.

Глядя, как она вписывает слово, Грейс вспомнил, что его мать тоже увлекалась кроссвордами, когда он был ребенком, но ее увлечение так и не передалось ему – в отделе тяжких преступлений загадок хватало и без того. Мысли возвратились к самоубийству Мерфи, заставляя еще внимательнее вчитываться в отчет патологоанатома. Сестра доктора сказала, что он

несколько раз заговаривал о самоубийстве после смерти жены, но в последнее время вроде бы выглядел бодрее и жизнерадостнее.

Пока что улики указывали скорее на самоубийство.

Тогда почему у него нет полной уверенности?

27

Воскресенье, 27 октября

Будильник сработал в три часа ночи. Брайс резко сел, стряхивая сон. Выбрался из постели, прошлепал в ванную, открыл кран, налил стакан воды и проглотил две таблетки анаболических стероидов.

Потом, не одеваясь, установил на полу гребной тренажер и отработал в максимальном режиме пятнадцать минут. Закончив с тренажером, он лег на живот и сделал сто отжиманий. Думая все время о Рэд. Представляя себя с ней. В ней. Потом сделал пятьдесят качаний, чувствуя, как натягиваются мышцы живота. Еще двадцать минут поработал с гантелями. Выполнив программу, Брайс вернулся на кровать и лег.

Он лежал, думая о ее чудесных густых прядях. Запахе ее тела. Обо всем том, что она говорила ему.

Боже, Брайс, меня так тянет к тебе. Я хочу тебя каждую секунду, что мы не вместе. Я чувствую, как нарастает и нарастает это желание. Мы будем вместе через 42 180 секунд. Вот уже 42 176! Господи, как же мне не хватает тебя! Я ТАК тебя хочу!:(:(:(:(:(:(:(:(:(:(XXXXXXX.

А потом ты меня бросила.

Вышвырнула из своей квартиры. Вернула те прекрасные часы, что я подарил тебе.

Ты ведь не хотела этого, правда? Тебя настроили против меня, ведь так?

Это все твоя злобная мамаша. Ты не виновата. Я должен простить тебя, верно? Должен.

Но теперь это уже невозможно.

Единственный вариант – убить тебя.

Брайс посмотрел на мониторы. Инфракрасная камера в спальне показывала кровать и беспокойно ворочающуюся Рэд. *Не спится, да? Раненых лошадей из жалости пристреливают. Я поступлю с тобой так же – убью из жалости.*

28

Воскресенье, 27 октября

Рэд проснулась в слезах. Часы на тумбочке у кровати показывали 3.32. Она проплакала всю субботу. К растерянности и страху прибавилась печаль. Жуткое ощущение утраты и беспомощности. Вообще-то они были любовниками совсем недолго, и Рэд, хотя втайне и навела о нем справки, чувствовала, что едва знает доктора Карла Мерфи. И с чего бы так горевать по человеку, которого едва знаешь? Она не знакомилась с его родителями и семьей и не представляла, как могла бы контактировать с ними. Но все равно испытывала глубокое, пронзительное ощущение утраты.

А еще Рэд чувствовала себя виноватой. Могла ли она сделать что-то? Должна ли была сделать что-то? Заметить какие-то признаки беды и протянуть руку, удержать? Что толкнуло его к краю? Какая неадекватность в ней? Ее неспособность отвернуть его мысли от смерти к жизни?

Рэд лежала в темноте, вспоминая все их разговоры. Да, конечно, он говорил, как сильно любит своих детей. Говорил, как грустит по ушедшей безвременно жене. Но он также говорил о том, что нужно двигаться дальше, что важно быть сильным – ради детей, которые должны жить в нормальной семье. И то, что он говорил, никак не предвещало скорого самоубийства.

Не раз и не два Карл упоминал, что, как ни горька потеря, как ни тяжело ему без Ингрид, его главный приоритет – дети. Он должен позаботиться о том, чтобы они выросли в тепле родительской любви. Чувству, объединившему Рэд с Карлом Мерфи, определенно недоставало той страсти, что связывала ее на первых порах с Брайсом Лореном, – здесь было больше нежности, доброты, участия, того, что свойственно дружбе. Он был такой милый. Снова, как и во все последние дни, она ломала голову, пытаясь вспомнить, найти в его словах что-то, какое-то предзнаменование грядущей беды.

И ничего не находила.

Больше всего Карл говорил о своих детях – как сильно он любит их и что они всегда будут для него на первом месте.

Да, в первое после смерти жены время он пару раз обмолвился в разговорах с сестрой, что хотел бы уйти. Может быть, дело в том, что Карл принимал антидепрессанты? Рэд читала где-то, что некоторые имеют побочный эффект и могут резко, неожиданно затронуть суицидальную струну. Не случилось ли чего-то в этом роде и с Карлом?

Она провалилась в тяжелое, без сновидений, забытие и проснулась снова в 6.15. Зная, что уснуть больше не получится, Рэд встала, облачилась в беговую форму, спустилась вниз, открыла дверь и побежала к скрытой в темноте набережной. Она пересекла Кингсвей, в обычные дни шумную и забитую машинами, но в раннее воскресное утро пустую и тихую, пробежала мимо боулинг-клуба и повернула с променада вправо. Миновала Лагуну, клуб «Любителей глубоководной рыбалки», целую террасу белых элегантных домов в мавританском стиле, принадлежащих местным знаменитостям вроде Адели, Ника Бери, Нормана Кука и Зои Болл, и побежала дальше, по периметру Шорэмской гавани.

Самоубийство?

Карл был доктором. Он был умным. И знал, какие депрессанты опасны и каких следует избегать.

Ведь так?

29

Воскресенье, 27 октября

Примерно в половине двенадцатого Брайс, одетый в джинсы, рабочие ботинки и флисовую куртку поверх свитера, свернул с дороги, которая вела к Девилз-Дайк, на ухабистую проселочную, которая шла на юг – мимо фермерского дома, к скоплению брошенных построек, в которых помещались теперь его склады и мастерская и которые он снял под вымышленным именем. Тем же самым, на которое была зарегистрирована и эта машина.

Темно-зеленый «лендровер-дефендер» пробирался вперед подпрыгивая и кренясь на своих прочных, надежных рессорах. Машина устраивала его по всем статьям – настоящий хамелеон, как он сам. Она одинаково смотрелась и у городского тротуара, и посреди поля в сельской глубинке; рабочая лошадка, привычная глазу и не привлекающая к себе внимания в любых обстоятельствах.

А что внимания не привлекает, то и не запоминается.

Брайс объехал дряхлый сарай с брошенным старинным плугом, уже попавшим в объятия разросшихся кустов ежевики, проскочил мимо стоящего на отшибе дряхлого железнодорожного вагона, похоже приспособленного кем-то под жилище и выглядевшего довольно странно вдалеке от цивилизации, и скатился по короткому скосу чуть в стороне от бесхозного трейлера для перевозки лошадей, осевшего на четырех выдохнувших колесах, кучки ржавеющих металлических стоек и выжженных проплешин, напоминавших о проведенных им здесь экспериментах. Он остановил «лендровер» между тремя небольшими, надежно закрытыми постройками – бывшим зернохранилищем, мастерской и заброшенной маслодельней – и вышел.

Примерно в миле к югу раскинулся жилой массив Хенглтон, примыкавший к Брайтону и Хоуву с запада, за ним лежали Саутвик и Портслейд, а еще дальше – Шорэмская гавань. Отсюда была видна высоченная труба теплостанции, а в ясный день Брайс мог бы при желании рассмотреть Канал. Сейчас, однако, шел мелкий надоедливый дождик, и небо пряталось за туманной облачной дымкой. Впрочем, никакие виды его в любом случае не интересовали. Может быть, когда-то в прошлом, в другой жизни...

Той, где была Рэд.

Тогда его интересовало все. Тогда он смотрел на мир другими глазами. Тогда, с ней, он видел красоту во всем. Без нее яркий, полный красок мир стал однообразно серым. Брайс никогда не привозил ее сюда, в это тайное место, где отрабатывал свои фокусы и трюки. Обращению со взрывчаткой он научился в Территориальной армии⁶, где был и сапером, и специалистом по обезвреживанию бомб и откуда его вышвырнули. Об электронных системах безопасности узнал в брайтонской фирме по установке сигнализации «Лангард алармс», откуда его тоже – и совершенно несправедливо – выставили.

Но то было тогда.

Он пробежал под дождем к мастерской с зарешеченными окнами и вывеской «Файруоркс Лтд.» на входной двери.

Будучи лицензированным производителем фейерверков, Брайс имел возможность без проблем заказывать всевозможные виды взрывчатки. Он открыл увесистый навесной замок и два взрезных, вошел, закрыл и запер на двойной запор двери и включил свет.

Как всегда, он начал с того, что проверил, все ли в порядке и на месте. Пробежал взглядом по обшитым фанерой стенам; баллонам с оксиацетиленом, кислородом, закисью азота; токар-

⁶ Территориальная армия – создана в 1920 г. как резерв первой очереди сухопутных войск, с 1967 г. реорганизована в территориальный армейский добровольческий резерв.

ному станку; морозильной камере, заполненной сухим льдом; забитому химикатами холодильнику; стеллажам, заставленным компьютерным оборудованием, руководствами, измерительными приборами, трубками и прочим. Одна полка была целиком занята потускневшими серебряными кубками, выигранными им на всевозможных конкурсах иллюзионистов и фокусников.

Да, он был хорош! Чертовски хорош. И это признавали другие. Но только не мать Рэд. А сама Рэд так и не дала ему шанса проявить себя. Придет день, и она об этом пожалеет. Они обе пожалеют. Он – лучший. Лучший из лучших. Зеленеете от зависти, Гудини, Дэвид Копперфилд, Зигфрид и Рой.

Но сейчас все его мысли занимали телевизионные мониторы на стене. Брайс щелкнул силовым переключателем, и через несколько секунд они замигали. На одном из них он увидел Рэд, которая печатала что-то на компьютере в запасной спальне. Рассылаем имейлы? Постим в Фейсбуке? Или в Твиттере? Ладно, он проверит, когда вернется домой. Все, что печатала Рэд, каждые пятнадцать минут пересылалось на его домашний компьютер.

Оделась она сегодня консервативно: тонкая черная водолазка, твидовая юбка, черные легинсы и ботинки. Специально для воскресного ланча с этой ведьмой, ее мамашей, и папашей. Наверняка будет и старшая сестрица, пугавшая Рэд своей удачливостью и практичностью – и карьере выстроила, и беременность спланировала, – и ее муж, этот надутый индюк. *Бедняжка Рэд! Но если повезет, ты еще можешь спастись! Все сочтено!*

И снова на руке те же дешевые часы, что были у нее на их первом свидании. Те, на которые она сменила подаренные им «картье».

Нехорошо, – мысленно укорил ее Брайс. – Ты же классная леди. Тебе нужно носить «картье». Что бы ни произошло между нами, я так хочу, чтобы ты носила достойные часы.

Брайс ввел код в айфон и проверил поступившие сообщения, втайне надеясь, что среди них, может быть, есть и от Рэд. Но ничего не было, и он принялся пролистывать старые тексты, которые сохранил все до единого. Прокручивая их в обратном порядке, Брайс как будто возвращался к тем дням, когда она была без ума от него. А он – без ума от нее.

Вот это отправлено, когда он шел к ней на квартиру.

Жду не дождусь, хочу тебя увидеть, моя роскошная Рэд!:) XXX 3 мин.!

И ее ответ:

Не могу терпеть так долго! XXX.

Вот уже две мин.:) XXX.

Придется начинать без тебя! XXX.

Одна мин.! XXX.

Да, он хорошо помнил тот вечер. Как и много других, таких же, когда он мчался – к ней, часто на сумасшедшей скорости, злясь на всех, кто его задерживал. Когда оставалось немного, он сообщал расчетное время прибытия и начинал поминутный обратный отсчет. Он подбегал к порогу, жал на звонок, замок бесшумно открывался, и он входил в подъезд и бежал по ступенькам вверх. Ее дверь уже была приоткрыта, и их губы встречались. Чья-нибудь нога толкала дверь... Не говоря ни слова, не сводя глаз друг с друга, улыбаясь, они стягивали друг с друга одежду и делали это тут же, на полу в прихожей, потому что не могли пройти дальше, не могли больше ждать.

Глядя теперь на мониторы, показывающие ее нынешнюю квартиру, он видел то, что напоминало об их коротком времени вместе. Коврик, лежавший на полу в гостиной, тот самый, на котором они занимались любовью. Тот, на котором она, стащив с него брюки и трусы, брала его в рот и смотрела ему в глаза с таким доверием, с такой любовью, а он стоял, вцепившись пальцами в ее волосы.

Когда же все пошло не так?

Брайс знал. Конечно, знал. Это все ее чертова хитрая мамаша. И ее чертов слабак папаша.

То, что я делаю, – это так печально. Но я должен. Я не могу жить, зная, что ты там, что целуешь кого-то другого, что впускаешь кого-то в себя. На самом деле я не хочу сделать тебе плохо. Тебе нужно это понять. Просто я должен. Я не могу жить, пока ты встречаешься с другими мужчинами.

Не могу нести эту боль.

Извини за машину, это лишь небольшой урок. Сначала ты должна быть наказана. Потом умрешь.

Я все тебе объясню. Скоро. В другой жизни. В нашей следующей жизни мы соединимся навечно. Как влюбленные в той поэме Китса, «Ода греческой вазе». Я читал ее вслух, и она так тебе нравилась. Ты говорила, что это мы. Любовники, застывшие в мраморе, за мгновение до поцелуя, но еще не разделившие любовь. Им это не дано. Они так и пребудут вечно в этом миге предвкушения, совершенного благоговения.

Они не познают разочарования.

Господи, Рэд, почему ты разочаровала меня? Почему ты, черт возьми, всегда слушала эту дрянь, свою мать?

Брайс огляделся. Ему было хорошо здесь, спокойно, в этой его мастерской, под шум барабанищего по крыше дождя. Никого не видно. Никого не слышно.

Взрыв никого не потревожит. Как и вспышка пламени. Здесь он проверял свои последние зажигательные устройства – как самодельные, так и купленные.

Проверял то, что планировал использовать.

На мониторе Рэд пошевелилась и поднялась. Прошла к входной двери. Сняла с вешалки плащ и зонтик.

Тебя ждет сюрприз, мой ангел. Я делаю это для тебя, спасаю от унижения воскресного ланча с сестричкой и ненавистным зятем, с твоими чертовыми родителями.

Поверь, это не лучший способ провести последнее в твоей жизни воскресенье.

30

Воскресенье, 27 октября

В полдень Рэд вышла из дому, торопливо перебежала дорогу под легким дождем и повернула направо, на Уэстборн-Террас-Мьюз. Через пару минут она уже подошла к гаражу, где держала своего любимца – желто-черный кабриолет «фольксваген-битл» 1973 года выпуска. Брайса машина не впечатлила. Опасная, сказал он. Нет подушек безопасности. И этот почти флуоресцентный цвет, как будто ее обгадила гигантская чайка. Брайс хотел купить ей современный кабриолет «гольф», но Рэд отказалась. Она любила эту машину.

Что и объяснила Брайсу в совершенно недвусмысленных выражениях – *у машины есть душа*.

Рэд повернула ключ в замке и подняла гаражную дверь. «Жук» стоял там, сияющий, любовно отполированный всего три недели назад. Она открыла дверцу, села за руль, вставила ключ зажигания и повернула. Как всегда, двигатель тут же отозвался, ожил, всхрипнул и перешел на уверенное, ровное жужжание. Рэд любила его знакомый запах, смесь старой краски, заводского очистителя и легкой сырости.

Рэд дала задний ход, выехала из гаража, вышла и закрыла дверь. Потом вернулась за руль, накинула ремень безопасности и покатила вдоль набережной. Возле памятника королеве Виктории свернула налево. Дождь усилился, застучал настойчиво по матерчатой крыше. Окна затуманились.

Она пересекла Черч-роуд и направилась к Драйв. Обогреватель уже работал вовсю, нагоняя в салон тепло и успешно сдерживая октябрьский холодок. На перекрестке Олд-Шорэм-роуд загорелся красный, и она остановилась в ряду других машин. Переключилась на «нейтралку», потянула рычаг ручного тормоза. «Джус FM» передавала музыку, и Люсинда Уильямс пела песню, которую так любил Брайс.

Когда-то эта вещь нравилась и ей самой.

«Эта песня о нас с тобой», – сказал как-то Брайс.

Так оно и было.

Мой день уходит... Твой знак на мне остался...

Сердце откликнулось болью. Брайс. Да, он оставил свой знак, как никто другой. Она верила, что встретила мужчину, с которым проживет жизнь до конца.

Черт возьми, Брайс, что же случилось? Почему? Почему ты это сделал? Почему с самого начала не рассказал правду? Может быть, все вышло бы иначе.

Ей вдруг почудился запах гари. Светофор переключился на зеленый, и машины впереди тронулись с места. Рэд убрала тормоз, переключилась с нейтральной на первую и придавила педаль газа. Но двигатель заглох. Сзади кто-то просигналил. Она подняла руку – мол, извините – и повернула ключ. Мотор заурчал, потом заскрежетал и остановился. За спиной у нее поползли змейки дыма.

Черт. Черт. Черт.

Еще больше дыма, кислого, вонючего, повалило снизу.

Сзади снова просигналили, уже настойчивее, нетерпеливее.

Рэд закашлялась. Мысли заметались в панике. Дым сгущался. Она распахнула дверцу и тут же услышала тошнотворный хруст – промчавшийся мимо белый фургон едва не снес ее начисто, но почти сразу же скрипнул тормозами и остановился. Рэд вывалилась на дорогу в облаке дыма. Еще одна машина вильнула и остановилась.

– Что еще за игры? – крикнул кто-то, и до нее дошло, что это шофер фургона. – Ну ничего себе, – присвистнул он, увидев дым. – Секундочку, милая, у меня огнетушитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.